

Елена
Нестерова

Рай?!

Елена Нестерова

**Рай?! или Из жизни
обычных волшебников**

«ИП Астапов»

2013

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6

Нестерова Е.

Рай?! или Из жизни обычных волшебников /
Е. Нестерова — «ИП Астапов», 2013

ISBN 978-5-91146-882-8

Всему, рождённому однажды, либо созданному на этом свете и даже самому свету когда-нибудь придёт конец. И имя ему – Апокалипсис! Многие люди по всему миру ожидают этого события, кто с ужасом, оседающим в каждой клеточке их тела, кто с любопытством и даже с нетерпением. И всё же большинство не верят в это событие, радуясь каждому дню прожитой жизни. Эта книга всего лишь одна из многочисленных версий событий Апокалипсиса. Возможно, одна из самых невероятных, где слияние двух романов, разных по стилю, делает прочтение более неожиданным и захватывающим. «Когда всё вокруг рушится, стирая созданное веками за доли секунд, и тогда уникальность человеческой души позволяет ей создавать своей фантазией вещи, вполне реальные, почти осязаемые, некие "Розовые острова" – как островки надежды, дабы было где спрятаться от бед и тревог.»

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-91146-882-8

© Нестерова Е., 2013
© ИП Астапов, 2013

Содержание

От автора	6
Глава 0. Исходный код	7
Глава 1. Холодная осень	8
Глава 2. Белый, белый снег!	14
Глава 3. Мечтай...	19
Глава 4. Самая первая ночь!	27
Глава 5. Скала...	32
Глава 6. Забери мою печаль...	42
Глава 7. Глубина...	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Елена Нестерова
Рай?! (фантастический роман) или
Из жизни обычных волшебников

© Елена Нестерова, 2013

От автора

Почему роман называется «РАЙ?!», ведь речь идёт о глобальной катастрофе, о море слёз и потерянных жизней, о человеческом страхе и крушении надежд?

Всё это так, но, даже стоя на краю, в человеческой душе остаётся место для крошечного Рая, состоящего из воспоминаний прошлого.

Когда всё вокруг рушится, стирая созданное веками за доли секунд, и тогда уникальность человеческой души позволяет ей создавать своей фантазией вещи, вполне реальные, почти осязаемые, некие «Розовые Острова» – как островки надежды, дабы было где спрятаться от бед и тревог.

Покинув Библейский Рай, Адам и Ева унесли с собой часть того волшебного мира, сохранив его для будущих поколений, как «Искру света» – добра и любви.

Дорогие мои читатели, я желаю вам Рая в вашем доме, не вымышленного, а созданного своими руками, с терпением и надеждой на будущее. И пусть ничто в этом мире не посмеет разрушить созданный вами «Розовый Остров».

И, конечно же, приятного прочтения!

Глава 0. Исходный код

Взрыв в атмосфере Земли, произошедший около 65 миллионов лет назад, привёл к глобальной катастрофе. Радиационное облако окутало всю планету, и всё живое было обречено на вымирание...

Но существа, населявшие тогда Землю и именуемые ныне динозаврами, были куда более живучими, чем нынешняя братия хрупких созданий, к числу которых относимся и мы, люди.

Те существа, коим посчастливилось укрыться под толщей воды в глубоких пещерах, не только выжили, но и обрели сверхспособности.

Радиация в небольших дозах привела к мутации головного мозга, не затронув внешние признаки видов.

Часть динозавров выжила, а их собратья превратились в скелеты – окаменелые экспонаты наших палеонтологических музеев.

Перенесшие катастрофу особи стали не просто разумными, а обрели способность создавать лишь одной силой мысли вещи вполне реальные и осязаемые.

За миллионы лет, прячась от внешнего мира в своих убежищах, они тренировали свои навыки и достигли совершенства.

Это позволяло им не только успешно скрываться от людей, но и дало возможность размножаться в озёрах, морях и океанах нашей планеты.

Господь создал Землю...

Когда раскалённый шар от рук Господа остыл, он создал воду и воздух.

Господь создал динозавров и населил ими Землю.

Господь изгнал динозавров, дабы мир населить людьми.

Люди забыли Господа, создателя своего, и тогда...

Господь послал людям кару, названную Апокалипсисом!

Вода забрала с собою скверну, очистила души и вернула динозавров.

И динозавры спасли людей...

И люди вновь пришли в этот мир, чистыми как младенцы.

И динозавры остались вместе с людьми, чтобы помочь им построить новое будущее.

И Господь даровал им шанс самим создать новый Рай на земле...

Глава 1. Холодная осень

Осень 2012 года. Холодная и дождливая. Я не помню такого, чтобы в сентябре люди надевали шапки и куртки. И всё из-за пронизывающего ветра, словно он набирал силу на полюсах и напивался там крупинками льда. А затем...

Ветер со страшной силой разносил их по свету, тем самым неся смерть всему живому.

Южным континентам пришлось нелегко, и газеты то и дело писали о глобальной катастрофе и конце света.

Телевизионные каналы наперебой показывали картинки страшных климатических бедствий: замёрзшие пальмы и обездоленных людей, в рваных одеялах на плечах идущих по «Дорогам жизни» – так назывались коридоры, ведущие к «Красному Кресту». Там им пытались оказать помощь, но вскоре уже ни одна гуманитарная организация не могла справиться с масштабами катастрофы. Они были свёрнуты и эвакуированы.

На Земле появились «Мёртвые зоны». Информация оттуда почти не доходила, и число погибших было неизвестно...

В нашей стране всё было не так страшно. У нас пока гром с ясного неба не грянет, мужик не перекрестится. Так и сейчас, все с наивностью полагали, что непогода не достигнет наших широт. Так, побалуется немного и вновь вернётся туда, где людям до этих бед жилось куда лучше, чем нам, за что они и поплатились...

Эти разговоры я слышала на улицах, в магазинах и на автобусных остановках. Все были взбудоражены внешне, но внутренне вполне спокойны, авось пройдёт. Не скрою, я тоже склонна была к оптимизму. А почему бы и нет? А вдруг и, правда, всё само собой наладится, и жизнь вернётся в привычное русло?

Мой любимый город был засыпан разноцветными листьями, как серпантин, и, несмотря на тёплую одежду – не по сезону, жизнь текла своим чередом. По утрам лёд сковывал листья, и это было так красиво, что я уже неделю опаздывала на работу, потому как подбирала эти ледышки с листьями внутри и ждала, пока они растают у меня на ладони. Вода стекала вниз и тут же замерзала в крошечные лужицы. «Спасённые» мною листья я несла на работу и ставила в вазу. Начальник ворчал, а сам украдкой любовался моим букетом. Эти листья были ярче и плотнее обычных, словно природа дала им дополнительные силы для того, чтобы выжить в эти холода. И они бы выжили, по крайней мере, до ноября, если бы не ветер... Он портил всё!

Город стал наполняться мусором. Он лежал повсюду, и дворники не успевали его убирать. Это были бумажки, дощечки, кусочки, палочки и другие мелкие предметы. Потом появились рекламные щиты, крыши газетных киосков и выдернутые с корнями старые деревья. Но горожане, несмотря на этот хаос, продолжали соблюдать свой обычный распорядок дня. И это вселяло надежду в то, что всемирная катастрофа обойдёт нас стороной. Но всё изменилось...

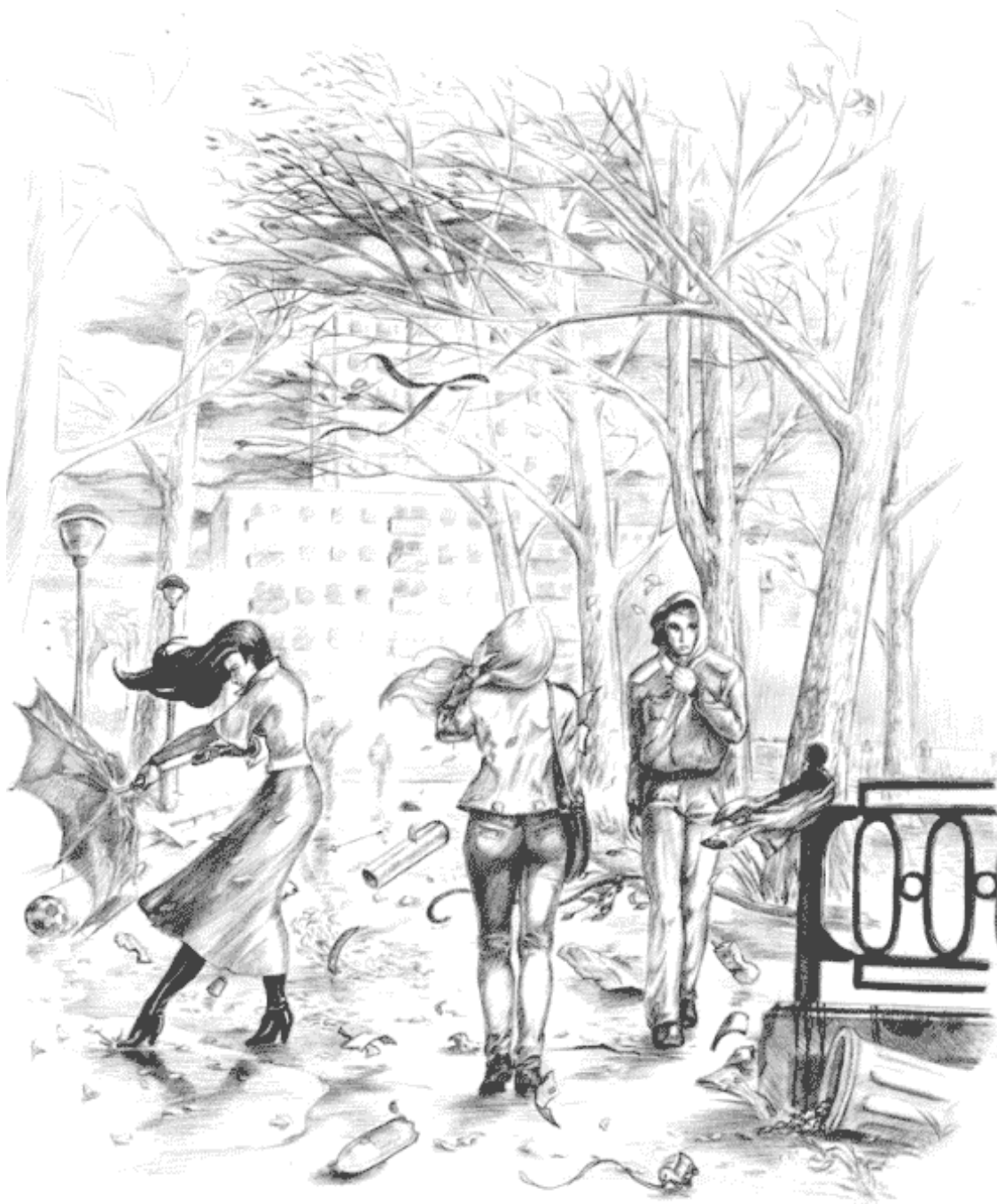
Ещё вчера я была на работе и печатала финансовый отчёт, переправленный мною уже в пятый раз, а всё из-за того, что между строк я писала мой новый роман, и тут меня словно вынесло на улицу. Ветер погнал меня к окраине города, и так я оказалась у двери крошечного домика с зелёной крышей и наглухо задёрнутыми шторами.

Я постучала, подчиняясь своим внутренним инстинктам, и мне тут же открыли. Женщина с длинными белыми волосами и таким же лицом больше походила на зомби, но она

пригласила меня войти, и, как я ни упиралась, мой внутренний голос не терпел возражений. И я вошла!

В комнате было человек двадцать, не больше.

У меня не было времени даже рассмотреть их, как народ повалил в дом, словно кто-то открыл водопроводный кран на все обороты. Я поспешила плюхнуться на обшарпанный стул у окна и затаила дыхание. Стул оказался удобным и мягким. Сохранив остатки былой роскоши и лёгкую истёртую позолоту, он напоминал мне трон, хотя принцесса из меня была никудышная. Подданные суежились и кричали, и я постаралась замереть, чтобы скрыть от них своё присутствие. Вся комната была словно на ладони, и наконец-то я смогла за короткое время рассмотреть всех персонажей, пока они не стали толпой.

Мужчина с очень печальным лицом сидел на полу у окна и выскребал осколком разбитого стекла какую-то надпись. Он держал стекло с напряжением, так что его руки тряслись и на пол стекали крупные капли крови.

Я не могла прочесть эту надпись. Он прикрывал её ладонью от посторонних глаз и всё время оглядывался по сторонам, чтобы убедиться, нет ли за ним слежки. Один раз он всё же не успел увернуться, и я встретилась с ним глазами. Он не испугался, а лишь плотнее прижал ладонь к надписи, а палец – к губам, предлагая мне общий секрет. Его лёгкая улыбка словно загипнотизировала меня на секунду, приподнимая со дна моих воспоминаний нечто сильное и радостное, но это прошло так же быстро, как и овладело мною. Во мне вновь разыграло кокетство и природная дотошность. Мне было обидно, что секрет – на двоих, а в чём он, знает только этот мужчина. Я хотела встать и подойти к нему, но тут между мною и загадочным господином встали другие люди. Они искали место ночлега и сгребали ногами осколки зеркала, и почему-то именно под мой стул. Я разозлилась и забыла про наш секрет...

Разместившись, люди успокоились, и наступила тишина. Лишь ветер гудел за окном и ударялся о хрупкие стёкла с новой силой. И это была временная передышка! Удар за ударом, и комната вновь наполнилась шумом. Хотелось заткнуть уши и закрыть глаза. Мне впервые стало по-настоящему страшно! Того гляди стёкла треснут и осыплются на пол. И тогда последняя защита будет снята, и в комнату полетит всё то, что сейчас лежало у стен дома огромными кучами мусора.

– Не волнуйтесь, стекло выдержит! – успокоила нас странная женщина – хозяйка дома и исчезла.

У дребезжащего окна дрожала в такт ему и беспрестанно икала девушка лет восемнадцати. Совершенно юное создание, одетое во всё чёрное.

Я подумала, что это весьма уместное одеяние в данных обстоятельствах, но...

Чем сильнее она икала, тем больше на неё пялились другие. Она всем мешала, раздражала, и мне показалось, что если она не прекратит икать, её выкинут в окно.

Я поманила девушку к себе.

Вставать не хотелось, так как я боялась потерять сидячее место, видя жадные взгляды тех, кто ютился на полу.

Она долго колебалась, а потом кинулась ко мне, даже не выпрямившись в полный рост. Как маленький зверёк, она выскочила из своей норки и обняла меня за плечи.

Я закрыла ей рот рукой, да так, что она не могла дышать. Девочка пыталась сопротивляться, но, не дожидаясь, пока она задохнётся, я отпустила её.

Сначала у неё были испуганные глаза, почти бешеные, но потом, поняв, что она больше не икает, она схватила меня за шею, поцеловала в щёку и ускользнула на своё место так же быстро, как добралась до меня. И затихла, обняв колени и положив на них голову.

Про себя я думала: слава Богу, теперь они не тронут её.

А те – они, собрались вместе. Их было человек пять, и они сидели на полу спинами друг к другу и внимательно следили за остальными.

То были мужчины одинакового возраста, со схожими чертами лица и цветом волос. И взгляд у них был одинаково строгий, исподлобья, словно здесь всё было под их контролем. Из них выделялся лишь один с взъерошенной шевелюрой и бегающим взглядом.

Уснувшая девочка в чёрном была самой молодой, а мужчина, тот, что чертил на стене, самым «старым». Но я должна уточнить, что ему было не более сорока семи, и то лишь учитывая мудрую печаль в его глазах.

В уголке плакала женщина. Очень тихо, беззвучно и без слёз. Было видно, что она боится, как бы её не выгнали, и тщательно пыталась скрыть свою печаль. Тушь растеклась по щекам и засохла. Она растирала её рукой, но лишь больше становилась похожа на трубочиста.

Моё сердце сжалось... Что же могло случиться?

Она изо всех сил пыталась выглянуть в окно, именно в то, рядом с которым я сидела.

Следя за её взглядом, я привстала со стула и увидела, что на неухоженном газоне перед домом лежит подросток, и при каждом порыве ветра его тело катает по земле, то взад, то вперёд, как надувную куклу.

Он был мёртв – затуманенный взор и обмякшее тело, а в широко открытый рот набилась жёлтая листва. Она же прилепилась к его одежде и волосам, как репейники, и от этой яркости всё увиденное казалось нереальным. Каким-то театральным шоу, в конце которого юноша должен был встать, стряхнуть с себя листву и весело сказать: «Ап!»

Я взглянула на женщину и вздрогнула. Её глаза были стеклянные, а руки исцарапаны в кровь. Она делала это сама, доставляла себе телесную боль, чтобы не выдать душевную. Не забиться в истерику, не броситься к мёртвому сыну, чтобы поцеловать его в последний раз.

Но что случилось со мной? Смерть у меня под носом уже не казалась страшной, чрезвычайной...

Отчего? Когда я успела привыкнуть к виду смерти? Ведь ещё вчера я шарахалась от ритуальных автобусов...

В моей памяти всплыли картинки из детства. Мои братья...

Один из них умер тогда, а второй чуть позже, в больнице...

Это разрушило всё в моей жизни: дом, семью, всё, что было у меня на тот момент, превратилось в прах. С тех самых пор я стала относиться к смерти с отвращением, даже с ненавистью...

Мальчишки сбежали в лес и потерялись. Всю ночь они провели на холодной земле, и Сашка, а ему было всего четыре года, замёрз насмерть. Максим нёс его тело на себе более суток, пока их не нашли охотники.

Я видела Сашу в гробу. Он казался живым, и мне хотелось подбежать к нему и разбудить... Я так тогда до конца и не поняла, что брат умер, но с возрастом мне начал сниться один и тот же сон, в котором Сашка и Максим лежат на дне какой-то ямы и дрожат от холода. Максимка пытается согреть Сашеньку, но тот всё равно умирает. А Максим плачет и зовёт на помощь.

На этом месте я всегда просыпалась в слезах, и сейчас, видя, как страдает эта женщина, я понимала её боль, но не более...

Я вновь села на стул и прижалась к его спинке, пытаясь подумать о чём-нибудь другом, чтобы отвлечься от воспоминаний.

И, похоже, мне удалось задремать, а когда я вновь открыла глаза...

Глава 2. Белый, белый снег!

В комнате суеилось много людей. Они пихались, наступали друг другу на ноги и галдели мне на ухо, не стесняясь в выражениях.

Входная дверь постоянно хлопала, и странная хозяйка дома, пропуская вновь прибывших в крошечную комнатку, похоже, не задумывалась о последствиях.

Входя в распахнутую перед ними дверь, люди останавливались на пороге...

В их взгляде была задумчивость и сила мысли. Они морщили лоб в надежде понять, зачем они здесь и кто привёл их сюда, но, попадая в «толпу», люди теряли свою индивидуальность.

Они начинают вести себя либо одинаково плохо, подражая друг другу, либо одинаково хорошо, что бывает крайне редко. Вот и сейчас они походили на встревоженное стадо неподоенных коров.

Они начали крушить дом...

Мне казалось, что я уже была здесь раньше. Всё было так знакомо: обои на стенах, рамы на окнах и письменный стол, покрытый зелёным сукном, с множеством ящичков, половину из которых уже вытащили и раздолбили об стену.

Всё это варварство легко сходило с рук разношерстной толпе, и они с удовольствием наступали на щепки и давили их ботинками. Их лица были перекошены от гнева, но мне уже не было страшно, мне было всё равно!

Голова болела. Хотелось на свежий воздух! Но я не могла покинуть это помещение. На улице поднялся сильный ветер, куда более сильный, чем был накануне. Он разметал осеннюю листву и принялся за хлипкие постройки. В окно я видела, как по небу летали доски, оторванные от зелёного забора, и искореженная крыша сарая. Выйти отсюда было бы самоубийством!

На дорожке перед домом уже лежало несколько тел, пострадавших от летающих предметов. Одни, по всей видимости, были уже мертвы, но другие пытались подняться, оставляя на асфальте багровые пятна крови.

Но ветер налетал с новой силой, и они падали вниз лицом, но вновь пытались встать, истекая кровью...

Можно было позавидовать их упорству: даже в таком плачевном состоянии они пытались ползти к дому, чтобы спасти свою жизнь.

А тот юноша на газоне, чья мама украдкой плакала в углу, был закутан в плотный саван из листвы. Даже ветер оставил его в покое.

– Господи, прими его душу! – тихо шептала я.

Пострадавших от стихии в дом не пускали. Лишь избранные, гонимые сюда ветром, имели честь войти в эту дверь...

Людей становилось всё больше и больше, ещё немного и нельзя будет сделать даже шаг.

Общее раздражение росло, и даже я, терпевшая всё это время, начала бить ногами о ножку стула, выбивая барабанную дробь.

Я теряла сознание от духоты, моя голова запрокинулась навзничь, и тут я увидела крылья бабочки.

Огромные крылья, роскошные, тёмно-синие. Бабочка взлетела, и я провалилась в пустоту.

Бабочка обрела тело... Это была та самая хозяйка дома. Она несла меня по коридору и поставила на пол перед обшарпанной дверью.

– Иди!

Я открыла дверь...

– Иди! – вновь потребовала крылатая хозяйка, и я сделала шаг...

Дверь была почти под потолком того места, в которое я должна была войти.

Пола не было, лишь пустота и холод. Я опустила голову вниз, чтобы рассмотреть дно глубокой ямы, и там я увидела...

Я задрожала всем телом, и из моей груди вырвался стон, как у раненого зверя, настигнутого охотниками.

— Мои любимые! О, Господи! Как давно я не видела вас живыми.

В холодной пустой комнате, на каменном полу лежали два мальчика. Один — лет десяти, а второй — четырёх, совсем маленький с курчавыми светлыми волосёнками и в белой ночной пижаме с паровозиками.

Штанишки были коротковаты, и он прикрывал руками голенькие ножки и весь дрожал от холода. На одной ноге ещё был тапочек, а со второй он слетел и лежал у противоположной стены.

Второй мальчик обнимал младшего брата, прижимал его к себе и пытался согреть, скрестив свои руки вокруг его коленей...

Я точно знала, что минует ещё час и случится непоправимое. И сколько бы Максимка ни старался, ему не удастся вдохнуть жизнь в остывшее и окоченевшее тельце брата.

Я уже хотела броситься вниз, чтобы помочь им, но моя крылатая провожатая схватила меня за плечи и перенесла на другую, противоположную часть комнаты.

В темноте я уцепилась руками за крошечное оконце без стекла и выглянула наружу...

Там, внизу, белели бесконечные просторы. Заснеженная равнина тянулась до самого горизонта, да и тот был едва различим, лишь тонкая серая полоска выдавала разницу между небом и землёй.

По правую сторону тянулся еловый лес, а по левую – небольшие холмы, покрытые снегом.

– Прыгай, это – твой Рай! – сказала провожатая и толкнула меня в окно, не дав последний раз взглянуть на моих мальчиков.

Упав в глубокий тёплый снег, я несколько минут лежала, собираясь с мыслями:

– Всё совсем не так, как я предполагала. Мой Рай? Значит, я умерла?

Я не помню, как умерла... И этот снег, он попадает мне в нос, рот и уши. Холодит и щекочет меня – одновременно. Так не бывает с мёртвыми.

Я высунула голову из сугроба и огляделась.

Обшарпанная стена с оконцем у самой крыши начала расти и вскоре стала огромной горой, в вышине которой трудно было увидеть ту крошечную щёлку, за которой умирали от холода мои мальчики. Ещё минута, и гора покрылась снегом, и стена исчезла под его покровом вместе с моими любимыми братьями...

Я посмотрела в небо и заплакала. А вдруг я могла спасти их? Могла взять их с собой, и им бы не было так страшно, как в том подвале? И снег здесь – тёплый и мягкий, как пуховая перина...

Слёзы прожигали в снегу тёмные отметины, и вскоре я смогла вылезти из сугроба и, притоптав ладонями снег, села и осмотрелась. Нужно перестать плакать и взять себя в руки!

Назад дороги не было... Значит, только вперёд!

Когда глаза привыкли к ослепительному блеску снега в солнечных лучах, я разглядела на горизонте особняк с белоснежными колоннами. Настоящая барская усадьба.

И тут словно что-то приблизило картинку, и я увидела высокие сосны, что росли по обе стороны здания, и протоптанную тропинку, ведущую прямо к нему.

А ведь поначалу особняк был очень далеко, едва различим, но постепенно расстояние уменьшалось и вскоре до него осталось не больше пятисот метров.

Что ж, настало время исследовать мой Рай, если он так напрашивается на это.

Я отряхнула снег со своей одежды и двинулась в сторону дома.

Пока я шла, мир вокруг меня играл в странную игру, названия которой я пока не знала...

Тот пейзаж, что я видела сейчас, через секунду совершенно неузнаваемо менялся на другой. Леса становились долинами, а те, в свою очередь, превращались в невысокие горы, покрытые цветущим вереском.

Снег растаял. Зазеленели поля, зацвели фруктовые деревья, и мир наполнился ароматами весны, но лишь на несколько шагов, и запахи растворились и исчезли...

Я не успевала рассмотреть одну картинку, а она уже менялась на другую, но не мгновенно, а как-то плавно, словно кто-то лепил её из пластилина своими умелыми руками с такой точностью, что они были как настоящие. Или они и были настоящие? Как узнать наверняка?

Неизменным оставался только дом с колоннами и тропинка, ведущая к широким ступеням. Даже сосны сменились лохматыми елями и, покачиваясь под ласковым тёплым ветром, делали видимую картинку – сказочной, волшебной. Ведь в реальности не могло быть того, что происходило со мною сейчас...

Все мои чувства были зомбированы и собраны в твёрдый комок, который прятался в самых недрах мой души. Я шла вперёд только потому, что у меня не было иной цели. Я не понимала, что происходит и где я нахожусь. Словно кто-то управлял мною и этим миром одновременно.

Провожатая сказала, что это – мой Рай, но по моим понятиям Рай должен выглядеть как-то иначе...

Тропинка оборвалась у самого дома, и снова пошёл снег.

Ступеньки немного обледенели, и я поднималась медленно и осторожно. И не успела я ступить на площадку перед дверью, как та распахнулись, словно приглашая меня войти.

– Что ж, пришла, входи! – сказала я сама себе и сделала первый шаг.

Глава 3. Мечтай...

Пустота... Никакой мебели. Голые стены. Что делать в таком доме, где даже присесть не на что?

– Мечтай!

Мой внутренний голос настаивал: «Мечтай!»

И я начала мечтать...

Последние годы я просто была помешана на писательстве. В нашем крошечном городишке издали три моих романа, и я была настоящей звездой, и как у настоящей звезды у меня была мечта. Дом за городом, среди сосен и елей. Настоящая барская усадьба для ленивого писателя, встающего с постели в полдень.

Поздновато? И что с того? Он ведь провёл всю ночь над нетленной рукописью нового романа.

Немного пафосно и самоуверенно, но это были мои тайные мечты, и лишь здесь, в полном одиночестве, я поделилась ими с этим миром, готовым меня слушать и молчать. Итак...

Дубовый кабинет на втором этаже и большой письменный стол, покрытый зелёным сукном, и тишина... И именно там я буду творить. И чтобы никто не смел нарушить мой покой! Ну, почти – никто. Лишь природе было позволено вмешиваться в процесс творчества.

За окном шумит сосновый бор, стряхивая с нахлобученных веток залежалый снег, и он с гулом и свистом падает вниз, пугая заспанных белок. Те разбегаются в разные стороны, а с деревьев взлетают в небо разбуженные не вовремя совы и рассерженно ухают. Через минуту всё стихает, и я вновь могу работать...

Я начала представлять себе, как бы я жила в том чудесном мире, который сама себе выдумала, и он появлялся тут же!

Моей дизайнерской фантазии не было предела. Вот что бывает, когда человек живёт в однокомнатной квартире на первом этаже с крошечными оконцами. Всё, что он может себе позволить – это представлять и мечтать. Он каждый день наблюдает, как мимо, по дорожке, ходят люди, спешат по своим делам, и вот тогда в его голове и рождаются бредовые идеи о волшебных мирах, ведь этот мир слишком скучен для него и однообразен.

С безудержной фантазией он начинает придумывать их, доводя до совершенства в своей голове, а затем переносит всё это на бумагу. А остальным, тем людям, что ходили под его окнами, им это нравится. Ведь их жизнь тоже не сахар, а сплошная серость будней.

И теперь, получив возможность не только написать, но ещё и создать свои фантазии, я превзошла сама себя...

Дом получился великолепный! Двухэтажный, выкрашенный в белый цвет, с колоннами, доходящими до крыши, и с изящной лепниной, как это было принято пару веков назад. Дух русской усадьбы с её изящной простотой.

Поднимаясь по широким ступенькам, трудно не обратить внимания на тяжёлую дубовую дверь, теперь лишь она преграда к тому, чтобы шкатулка раскрыла все свои секреты.

Итак, мы уже в доме...

Уютная гостиная с огромным обеденным столом. Полукруглым и покрытым кружевной скатертью с оборками. Возможно, это мещанство? Ну, и пусть! Я так хочу и точка!

Лакированные полы из чёрного дерева, изящная мебель с точёными ножками и вырезанными узорами и вензелями, которые повсюду: на спинках кресел, на шкафах, на подлокотниках.

Звезда и шпага, соединённые вместе в солнечном диске, от которого исходит множество лучей, больших и маленьких, чередующихся друг с другом. Это был мой герб. Я заклеила им свою фантазию. Но почему он именно такой, я пока не знала...

Под потолком висела хрустальная люстра и тихонечко позвякивала. Это была чудная, волшебная мелодия. Там, там, там, та-та-та-та, там, там...

Огромная деревянная лестница вела на второй этаж, и я буквально вспорхнула по ней. Все горести и печали оставив по ту сторону двери, я нашла здесь свой кабинет.

В моей мечте всё было так, как я хотела. Стол, покрытый зелёным сукном, и стопка бумаг.

Я подбежала к окну и увидела сосновый бор и снег, всё ещё лежащий на ветках величавых сосен, несмотря на весну и шальных белок, что искали свои припасы в заснеженных дуплах. И, не найдя их, бежали к входной двери – попрошайничать. А там уже были припасены для них орехи и семечки.

Моя фантазия подумала и об этом!

И ухающие совы, встревоженные беличьей суетой.

Сев в удобное кресло, я машинально потянулась за бумагами и...

Мой новый роман, тот, что я вписывала украдкой между строчками финансового отчёта... Я почти закончила первую главу, и вот она у меня в руках... Мой роман назывался – Из жизни обычных волшебников...

Из жизни обычных волшебников

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. РОЗОВЫЙ ОСТРОВ

Глава 1. Секрет её молодости

Иногда обычные люди похожи на настоящих волшебников, а волшебники – на самых обычных людей. Разница лишь в том, во что ты веришь.

В свои 300 лет она была так же молода, как и в 275.

Её нынешние друзья, не успевали удивляться её неповторимой красоте.

Каждое новое утро она просыпалась с первыми лучами зари и собирала её тонкие несмелые нити в своих ладонях и втирала этот свет в свою кожу, пока она не начинала сиять и переливаться, и, наконец, освещалась заревом от восходящего солнца.

Умывалась она каплями росы. Она собирала их с паутины, что тянули к её окну маленькие, шустрые паучки. Эта же роса и нектар с цветов были её завтраком. Только после этого чашечка свежесваренного ароматного кофе завершала утренний рацион самой обычной московской Феи.

День в суете. Никакого волшебства, просто – жизнь. Жизнь обычной женщины, талантливой и свободной. Смелой, но ранимой.

Но когда на вечернем небе загорались первые звёзды, с ней происходили волшебные метаморфозы. Она улыбалась звёздам своей загадочной улыбкой, и звёзды отвечали ей в ответ. Они роняли на неё звёздную пыль и превращали её волосы в золотые волны, спадающие с плеч. Её глаза горели, отражая в себе бесконечность.

Все загадки сумрака она сохраняла в себе, чтобы днём загадывать их окружающим. Хитро, не правда ли?

Каждую ночь она впитывала в себя всю силу далёких звёзд, весь покой томной, бледной луны. Всё тепло остывающей земли – для своего тела.

Кровь начинала ускорять свой поток в её венах. Её сердце билось в бешеном ритме, и именно тогда она была способна на любые чудеса. Она могла перемещаться во времени и пространстве, но только пока утро не рассекало на части ночное небо и не гасило звёзды.

Вы спросите, а как же зимой? Что же делает ваша Фея зимой, когда нет ни росы, ни пауков? Когда совсем не видно звёзд на затянутом тучами небе?

А я отвечу вам – какие пустяки...

Осенью она вдыхала влажный, прелый воздух опавшей листвы и пила его глотками. Не в буквальном смысле – глотками, просто она разделяла своё дыхание на маленькие вздохи, в каждом из которых было своё, неповторимое ощущение свежести, лёгкости, свободы.

Она окрашивала своё тело в цвета листопада и, нацепив лёгкое платье из кленовых листьев, танцевала на лесной поляне свой любимый танец – вальс.

Были и такие, что видели это чудо, но им казалось, что это проделки ветра, когда он собирает самые яркие листья и сжимает их в своих объятьях, а затем, подкинув повыше, бросает оземь...

Зимой же ещё проще. На её мягкую, сияющую ладонь оседали резные снежинки и медленно превращались в голубые капельки талой воды. Эта маленькая лужица хранила в себе все дары матушки-зимы: её морозный воздух, высокое голубое небо с бахромой из снежных туч, её сугробы и яркое серебро зимнего полдня.

Ну, а о весне и говорить не стоит. Она жила весной, а правильной сказать, весна жила в ней. Фея доверяла ей все свои секреты, а весна отдавала ей все свои дары. Все свои несметные богатства – весна показывала только ей, чтобы убедиться, что они действительно ценны и прекрасны. Каждую песню соловья она посвящала ей, каждый новый цветок и запах пробуждения весна дарила этой волшебной женщине, своей лучшей подруге и самой обычной Фее. Фее – Любви!

И когда Фея огорчалась и не могла сдержать слёз, именно весна превращала эти крошечные капельки в брильянты. Эти брильянты она складывала в шкатулку, и каждый год в коллекции весны скапливался целый брильянтовый фонд, который она берегла для Феи на чёрный день. А такие дни тоже бывали.

Феи живут долго, но люди, которые окружают их, обычно стареют и умирают. Фее приходилось уходить из их жизни ещё до того, как они понимали, что рядом с ними не простая женщина, а Фея.

И тогда бедная Фея начинала всё сначала.

Новый дом, новые друзья, новая любовь. Именно тогда весна и отдавала ей шкатулку с брильянтами. На эти сокровища она налаживала свою жизнь, свой совершенно не волшебный быт.

Кем бы ты ни был на этой земле, Феей или просто человеком, ты чувствуешь себя одиноким, ненужным, невостребованным. Ты находишься в постоянном поиске того единственного, кто любил бы тебя больше всего на свете.

Фея Любви только и делала, что учила других – любить. Дарила им искорки этого чувства, чтобы в их сердцах они разгорались пламенем яркого костра. Но сама Фея была одинока и несчастна. Она знала, что Он существует. Что на другом конце земли живёт её любовь. Но она так редко видела его, что печаль не покидала её сердца.

Он был самым настоящим Злым волшебником, но...

Из-за любви к ней он не смог выбрать тёмную сторону и стать великим магом. Но он не готов был быть и добрым волшебником, ибо карма его была тёмной. И лишь любовь к ней помогала ему балансировать на лезвии бритвы между добром и злом.

С виду он был обычным мужчиной средних лет, до тех пор пока вы не заглядывали в его глаза. О! Глаза этого человека вселяли ужас в слабых и приковывали внимание сильных. Это был великий человек!

В этой жизни он был гораздо старше её, лет на 500, но это нисколько не возвышало его над ней. Напротив, он знал, что она старше разумом и силой. Быть добрым гораздо сложнее. Доброта требует полного внутреннего истощения. Ты отдаёшь себя целиком – тому, кто просит твоей помощи.

Он бы хотел быть с ней, но знал, что это невозможно. Его скрытая тёмная сила разрушила бы её, поработила бы её разум. Поэтому-то они и жили на разных концах света и встречались лишь изредка в своём тайном месте.

Это место было где-то между небом и землёй. Именно там, где начинается рассвет и заканчивается вечер. Там, на розовых облаках, он наколдовал себе маленький домик с садиком и виноградной лозой. Из винограда он делал вино и разливал его в изумрудные бутылки. А когда вино вызревало, он звал её. Выходил на край облака и звал. Когда она прилетала, он целовал её всю, каждую клеточку её тела, каждую родинку. Он мыл её ноги в лепестках роз, замоченных в росе, в росе ещё не наступившего дня. И когда она возвращалась домой, то становилась ещё моложе и красивее. Ведь только любовь даёт нам эту красоту – неземную, волшебную, неповторимую и загадочную. Даёт тот свет, что излучает наша кожа, наши глаза, наши мысли...

Странное ощущение, что я уже не я... Я оглядела себя с ног до головы. На кого я похожа?

На стене висело огромное зеркало в резной ковanej оправе, в нём-то я и увидела странную, но знакомую женщину. Ту самую, про которую я писала целый год.

Сол...

Мои, а точнее, её волосы были растрёпаны, и я попыталась их пригладить, но на пол посыпались лепестки цветов, самых разных – роз, ромашек, васильков и лютиков. Я стала стряхивать их со своего роскошного голубого платья, и тёмно-синие бабочки заполнили комнату.

Я смотрела в зеркало как замороженная... Когда бабочки разлетелись по комнате и сели на потолок, я увидела, как по широкой юбке моего шёлкового платья поплыли барашки перистых облаков, а за ними пролетел косяк перелётных птиц.

И ароматы... Потрясающие ароматы луговых нескошенных трав, цветов и каких-то пряностей. Корицы, мяты, ванили, и почему-то цедры лимона, немного терпкий запах и не такой манящий, как сам фрукт.

Я обожала лимоны! Порезать их тоненько-тоненько и посыпать солью и, когда они пропитаются, положить их на язык и наслаждаться их остротой и ароматом...

Я поморщилась, представляя эту кислоту на своём языке, и тут же на столе появилось блюдо с тонко порезанными дольками, но не лимона, а лайма, что оказалось ещё вкуснее. Эти диковинные фрукты не доходили до нашей провинции, и лишь раз в жизни я купила эти плоды, всего две штуки, и этот вкус был мне знаком, но слегка забыт.

Когда тарелка опустела, мой взгляд упал на окно...

Я распахнула его и впустила в комнату чудесный воздух лета, очищенный сосновой хвоей.

– Вот и кончилась весна, – с грустью сказала я. – Ах, как жаль!

Вдалеке пестрели цветущие луга, и я больше не могла сидеть взаперти. Я выскочила на улицу и побежала по тропинке до самого луга.

Срывая цветы, я заходила всё дальше и дальше, и тут моя рука коснулась чего-то гладкого. Это была поверхность.

Но чего?

Я провела по ней рукой и медленно пошла вдоль неё. Стена из непрозрачной субстанции тянулась по линии поля до самой скалы, с которой я упала в этот мир.

Со стороны казалось, что этот Рай – бесконечен, но...

Зеркальная поверхность давала это ощущение безграничности пространства, но на деле оказался лишь жалким куском земли, отмеренным кем-то для меня... Маленький иллюзорный Рай и не более того!

Поняв это, я вновь стала собой, той самой несчастной женщиной в неброском платье, попавшей в незнакомое место и не знающей, чего можно ожидать от него...

Сколько ещё сюрпризов у него в багаже?

Мои руки бегали по стене, мяли её, гладили, пытались защитить или проковырять пальцем. Всё бесполезно! Она не поддавалась.

Я прислонилась к ней, надеясь хоть что-то рассмотреть, спрятав лицо в ладони, создавая искусственную темноту, и тут мне показалось, что что-то скользнуло за стеной, и вдруг чья-то ладонь закрыла моё лицо и погладила по носу, по глазам, пытаясь понять, кто я... Ощупывая меня очень нежно, боясь сделать мне больно. Обычно так встречают незнакомцев незрячие люди. Чтобы понять – кто ты, им необходимо изучить твоё лицо, каждую его складку, морщинку, родинку. И их невозможно обмануть, они безошибочно угадывают все черты твоего характера ещё до того как ты проявишь их.

Я отдёрнула руки и поняла, что день превратился в ночь.

Я судорожно водила по стене, но больше не смогла коснуться того, кто был за ней...

Я тихо шла к дому. Хорошо ещё, что он не исчез!

Я не одна... О, Господи, я не одна в этом странном мире фантазий. Но как попасть туда, в тот, другой мир, и нужно ли это делать?

Вопросы роились в моей голове, сводя меня с ума...

Кем я была раньше в мире обычных людей?

Мечтательница, фантазёрка, писательница, уже завоевавшая своего читателя, но... Мне вечно чего-то не хватало!

Наш крошечный городишко был для меня мал, тесен, я едва помещалась в нём со всеми моими мечтами и амбициями.

Каждый месяц после зарплаты я садилась на ночной поезд и рано утром приезжала в Москву. Этот город был для меня непостижимой загадкой, и я, как и многие другие – приезжие гастролёры, пыталась их разгадать...

В моём распоряжении было ровно два дня и одна ночь на вокзале, и я не теряла времени даром.

Я изучала каждую улочку, каждый сквер, я покупала гвоздики и по одной дарила каждому памятнику, а вернее, тому, кому он был поставлен. Мне казалось, что эти великие люди прошлого заступятся за меня и окажут мне поддержку. Наивная маленькая дурочка...

С каждым приездом я узнавала всё больше и больше, а потом описывала это в своих романах, и для нашей необразованной провинциальной публики это было волшебным и даже сказочным миром, где горят большие огни, где на лимузинах разъезжают длинноногие блондинки, и где можно встретить, если очень постараться, тех, кого они каждый день видят по телевизору.

На самом деле я создавала свои образы, вглядываясь в лица обычных горожан, но превращала их в богатеев и красавиц.

Я писала любовные романы, подобно тем, что пестрят за стеклом каждого киоска и ларька, и всё же я была самой настоящей писательницей, и мне платили гонорары, пусть небольшие, но зато моё имя было известно всем в нашем городе, и сам Мэр вручил мне медаль почётного горожанина...

Я почти была довольна, почти, но каждый месяц я продолжала покупать билет на поезд и уезжала в своё двухдневное приключение.

Это случилось ровно за год до тех страшных событий, что охватили землю...

Осень, дождливая и холодная. Я ещё долго думала, не отложить ли свой проминант до следующего месяца, когда пойдёт снег и будет посуше.

Не страшно – одеться потеплее, а вот – промокнуть, а потом просидеть всю ночь на вокзале, дрожа от холода... Но будь что будет, и я купила билет.

По программе у меня было посещение Дома-музея Булгакова. Как и все «свободные сумасшедшие», к коим я себя причисляла, я обожала роман «Мастер и Маргарита» и, войдя в подъезд, настроилась на погружение в мистический мир, заселённый булгаковскими героями.

На входе меня встретил колоритный старичок в мундире и предложил бесплатно посетить экспозицию, и пока я ходила между стендов и витрин, незримо следовал за мной.

Он мне очень мешал, но как его прогнать!? Внутри накапливалась тревога.

Но вопрос решился сам собой, старичок, извиняясь и откланиваясь, попятился к дверце с надписью МЖ, и я с радостью вернулась к просмотру.

По коридору то и дело слонялись странные личности, то ли актёры в костюмах, то ли просто сумасшедшие... Но оказалось, что это – официанты, и не более того.

Но ведь такое место должно было быть странным!? Непременно, должно было быть!

От сильного запаха кофе в крошечной кофейне, расположенной прямо в музее, меня затосило. Я посмотрела на цены, ахнула и поспешила спуститься во двор, но перед этим всё же успела положить свою гвоздику на лавочку рядом с Булгаковым.

Всё в этом музее было не совсем так, как я себе напридумывала. Хотелось мистики, а вышла, и кроме назойливого старичка ничего не запомнила и не удивилась ничему. Обидно!

В животе забулькало, но я решила, что сначала должна добить экскурсию до конца, и пошла на Патриаршие пруды...

Пошёл дождь. Всё сильнее и сильнее. Я поспешила раскрыть зонт, но тут я увидела их...

Они стояли у самого пруда, тесно прижавшись друг к другу, и словно все стихии: дождь и холодный ветер собрались вокруг них и затеяли бешеную пляску. Как нечисть возле святой земли.

И так они и эдак, а этим двоим – всё равно, не взять их ничем, как заговорённые. Обнимаются и целуются на глазах у изумлённого колючего дождя и пронизывающего ветра, до дрожи, до посиневших губ. Она что-то шептала ему и улыбалась, и он ей в ответ. Тихо, ласково, не отрывая от неё взгляда.

Одежда этих двоих тоже была необычной, словно они сошли со старинного полотна. Длинное синее платье до пят на ней и изящный камзол на нём, словно они собрались на бал во дворец, но вынуждены были остановиться здесь, у холодного чёрного пруда. Но зачем? Может, кино снимают? А где тогда съёмочная группа, камеры, свет?

Я в сумку полезла и хотела их сфотографировать, а когда голову подняла, их уже не было... Пропали!

Я стояла как вкопанная, не в силах пошевелиться, словно больше не принадлежала себе, но чувствовала, что внутри меня происходило нечто особенное. Это длилось лишь мгновение...

Я бросилась на то место, где видела странную парочку, но по Патриаршим плыли два лебеда и головы друг другу под крылья прятали, словно грелись, и ни души.

Села я на лавочку, а сама еле дышу, словно внутри меня что-то тёплое поселилось, волшебное.

Мне показалось, что я слышу, о чём шепчет дождь и кричит назойливый ветер, гуляющий по парку и гоняющий по дорожкам мокрую опавшую листву.

– Они ушли? – пытаюсь перекричать сам себя, шумел ветер.

– Тише, тише! – шептал дождь. – Она не должна знать. Ей пока – нельзя...

До вечера просидела я в парке, а утром вернулась домой и начала новый роман, не похожий на предыдущие... но всё как-то не шло, не получалось.

И вот прошёл год, и я сама стала героем в чьём-то романе. Только пока не пойму, какой сюжетной линии они придерживаются: детектив, фантастика или всё же что-то про любовь, было бы не плохо... И вот кто они, эти авторы?

В кромешной темноте я добралась до дома, и тут же зажёгся свет, подвластный моему малейшему желанию.

Стоп! Желания... Мои желания исполняются лишь в этом доме, а на улице я бессильна, как младенец.

Я поднялась по лестнице и открыла тяжёлую дверь в кабинет и увидела на столе новую стопку бумаг. Я отчётливо помню, что первую главу я убрала в верхний ящик стола, и тот оставался пустым.

Глава 4. Самая первая ночь!

Я писала так быстро, как только могла. Мои мысли летели быстрее меня, но мои желания помогли мне писать быстрее своих мыслей.

Такое удивительное состояние полёта. Словно всё внутри меня менялось, каждая молекула моего организма, и это позволяло моей неуёмной фантазии расправить крылья и лететь до самого горизонта, где начиналась вторая глава моего романа...

Глава 2. Две половинки одной осени

Иногда обычные люди похожи на настоящих волшебников, а волшебники – на самых обычных людей. Разница лишь в том, во что ты веришь.

Она сидела на кровати и ждала... Ждала, когда откроется форточка и в комнату влетит холодный, северный ветер.

Эта осень была на редкость тёплой. День за днём жёлтая листва засыпала город и поливала его тёплыми дождями, но она ждала... Ждала, когда настанут холода!

Для обычных людей северный ветер – это поднятые воротники, замёрзшие руки и обветренные щёки. Ещё эта простуда и гололёд, но не для неё. Для неё северный ветер был настоящим облегчением и радостью. Она ждала его каждую секунду, каждую минуту. Этот ветер приносил ей надежду, надежду на то, что она скоро увидит его.

И когда форточка распахнулась и со звоном ударилась о стену, она вскочила с кровати, встрепенулась и вылетела в окно. Северный ветер нёс её на юг. Он казался злым и беспощадным, но только не для неё. Южный ветер был куда менее сговорчив. Он направлял свои крылья в сторону севера, а ей нужно было на юг. Именно туда, где начинается рассвет и заканчивается вечер. Там, на розовых облаках, стоял их маленький домик с садиком и виноградной лозой.

Она уже несколько раз слышала, как он звал её. Так тревожно звал, что её сердце сжималось, съёживалось от нестерпимой боли, а ветра всё не было и не было...

Только сейчас, в полёте, она смогла немного расслабиться, освободиться от тяжёлых мыслей. Её путь завершился на крылечке маленького домика.

Обычно цвет утренней зари делал облако ярко-розовым, но сегодня огненно-красным было всё вокруг: и дом, и крылечко, и дорожка в сад. Всё, что можно было окинуть взором, всё было красным от виноградной листвы. Она была здесь повсюду. Она забилась в оконные рамы, приклеилась к стёклам и смотрелась, как морозные узоры зимой, только красного цвета.

Она прошла по дорожке сад. На голых безжизненных плетях висели чёрные грозди винограда. Она сорвала одну ягодку и поморщила нос. Вместо обычного наслаждения она получила горечь и едкую кислоту, которая расплзлась по языку. Это было ужасно!

Она бросилась в дом. Дверь скрипнула и распахнулась. В доме было пусто и темно. На пороге лежала листва, тайно проникшая сюда из внешнего мира. Она подняла пару листьев, но они рассыпались в золотую пыль в её ладонях и ускользнули сквозь пальцы, как песок времени.

К глазам подступили слёзы, но в этом мире нельзя было плакать. Тихо, почти на цыпочках она вошла на кухню и зажгла свечу. Под толстым слоем облачной пыли лежало письмо. Она схватила его и начала читать.

Дорогая моя Сол!

Я не мог дожидаться тебя и, наверное, это к лучшему.

Мне больше нельзя с тобой встречаться, мои дни сочтены.

Моё бrenное тело завершает своё существование на этой грешной земле. Я умираю!

Ты прекрасно знаешь, что это – не конец, но... умирать тяжело! Я даже не предполагал, насколько я злой волшебник. Я накопил в себе столько магии, что мне необходимо её кому-то передать, и тогда я уйду легко. Но моя совесть мне подсказывает, что этого делать нельзя. Мой долг перед тобой – не позволить этому миру приобрести ещё более могущественного и злого волшебника, чем я. Именно поэтому мы не можем больше встречаться, иначе вся моя сила перейдёт к тебе...

Но уж – нет! Я не доставлю Им такого удовольствия! Я унесу эту силу с собой в могилу, и тем самым очищу свою карму и смогу быть с тобой, когда настанет время...

Но сейчас нам нельзя проститься, моё милое СолнУшко, и это разрывает моё сердце на части. Вы, Феи, способны на добрые, но безрассудные поступки. Из-за любви ко мне, милая Сол, ты можешь принять мою силу, и она разрушит тебя! Зло сильнее добра!

Итак, моё любимое СолнУшко, я ухожу, но мы обязательно встретимся! Я буду ждать тебя в нашем домике на облаке. И когда ты придёшь в следующий раз, я устрою настоящий пир. Мы будем пить самое лучшее вино, и сам Штраус будет играть нам свои вальсы.

А пока прощай, моя девочка! Одна минута с тобой стоит дороже, чем самая великая магия на свете.

Твой Ра...

Она думала, что в этом мире нельзя плакать, но, несмотря на все физические законы, слёзы лились рекой. Так тяжело ощущать себя беспомощной.

– Он умирает! Умирает совсем один! Без любви и сострадания!

Но в глубине души Сол осознавала, насколько он прав. Даже сейчас, когда часть его души всё ещё находилась в ней, она понимала, как сильна эта часть. Его тёмная магия наделяла её душу дополнительной силой и полномочиями. Она старалась сдерживать её, но это ей плохо удавалось.

Вдруг она почувствовала слабость, и ей пришлось сесть на крылечко. Она посмотрела на закат и закрыла глаза...

Он лежал в абсолютно белой комнате. Без потолка, пола и стен. Всё слилось в один-единственный белый цвет. Он знал, что она сейчас плачет, и он тоже плакал ей в унисон, только без слёз. Так хотелось обнять её, впиться губами в мягкость её губ, почувствовать её запах. Взять в руки прядь её волос и уткнуться в них, вдыхая их волнующий аромат, аромат лугов и пряных трав, распаренного можжевельника и спелой лесной земляники. Умирать с мыслями о ней – гораздо легче...

С их первой встречи он сильно изменился. Она переделала в нём – абсолютно всё: мысли, желания и отношение к окружающему миру и ко всем его обитателям.

Кем он был до неё?

Равнодушный, не практикующий тёмный маг с бесцельным проживанием своего века в разгульной суете и мелких злодействах. Брутальный тип с манией величия!

Она наступила на горло его грустной песне, она оживила его и перепрограммировала. Она научила его, пусть и не любить людей, но, по крайней мере, уважать их. И не только людей...

Раньше его любимым занятием была охота. Он стрелял в свою жертву и с упоением наблюдал за её конвульсиями, но однажды Сол сказала, что в каждом взгляде животного отражается человеческая душа. И убивая Божью тварь, он убивает самого себя.

После этих слов он перестал ездить на охоту и даже испытал какое-то облегчение, что избавился ещё от одной вредной привычки.

Сол научила его слушать тишину, наслаждаться красотой в малом и с первого взгляда – незаметном. В капле росы на паутинных ниточках, в несмелом ростке по весне, пробивающимся к свету, в последнем луче уходящего солнца...

Вот тогда-то он и придумал их убежище. Их маленький домик между небом и землёй. Он обустроил всё сам! И когда он пригласил её туда в первый раз, её восторгу не было предела. Она прыгала и хлопала в ладоши, как маленькая, насвистывала и пела. Как хороша она была, даже дух захватывало от любви к ней.

Боль сжала его грудь, но он заставлял себя думать только о ней. И боль отступала. Если и было что-то в этом мире, что могло облегчить его страдания, то это мысли о ней, и только о ней...

– Сол... мене больно... Сол....

Она ещё немного посидела на крылечке и пошла по тропинке к краю облака. Она даже не обернулась, но судорожно прижимала к груди его письмо. Когда он появился в домике, она ещё не скрылась из виду, но он не стал её окликать. Ещё не время!

Он будет её ждать. Он посадит новый виноград и приготовит великолепное вино столетней выдержки. И когда она наконец-то придёт, ничто в этом мире не сможет разлучить их.

– Я люблю тебя, Сол... – шептали его губы, а её губы шептали ему в ответ:

– Я люблю тебя, Ра...

Это была странная любовь, состоящая не из желания тел и даже не из чувств, она состояла из единения душ, из тонкого баланса добра и зла. Сосуд, расколотый надвое, при самых истоках своего рождения, как и эта любовь, ищущая свою половину для соединения и для полного ощущения гармонии и счастья. Эта любовь разрушала все привычные стереотипы данного мира, но именно она являлась истинной, заложенной когда-то самим Богом.

Продолжение следует... Даже у бесконечности есть конец, и это – её начало. Точка отсчёта внутри нас и в пространстве космоса.

Я закончила главу, но всё то время, что я писала, я плакала, надрывно, со стонами и вздохами, словно это я, а не Сол теряла что-то самое дорогое. То, без чего я уже не могла обойтись.

Я положила рукопись, покрытую темными пятнами от слёз, нижний ящик стола и огляделась по сторонам...

Ночь... И она не думала уходить. Неужели так мало времени прошло с того момента, как я села писать?

Я хотела подойти к окну, но в огромном зеркале я увидела – Сол... Она смотрела на меня испуганно, как затравленный зверёк. Я направилась к ней навстречу и ударила лбом о твёрдую поверхность зеркала.

– Сол, это я! Не бойся!

Я вновь похожа на неё, но в этот раз на мне было чёрное платье с длинным шлейфом, и он развивался от ветра, холодного северного ветра, который дул из распахнутого окна.

Я побежала по лестнице вниз и хотела выскочить на улицу, но моё тело подчинялось только Сол, и она повела меня ниже, в подвал.

Там одна стена была зашита, словно наспех, грубыми досками.

Я начала отрывать их и кидать на пол, а за ними я нащупала ту же гладкую поверхность, что и днём, на лугу.

Я стала поглаживать её, но на этот раз Сол могла сделать невозможное! Мои пальцы погрузились в эту странную субстанцию и... прошли дальше... И я скользнула внутрь.

Холод сковал моё тело. Я думала, что найду по ту сторону стены чьи-то фантазии, ну кому придёт в голову жить в таком холоде, если только белым медведям или эскимосам.

Но тут мне пришла в голову странная мысль. А вдруг у кого-то совсем нет фантазий или нет сил, чтобы их иметь. Ведь бывает и такое. Вдруг он истощён, измотан душевной или физической болью.

Мне вспомнились глаза той женщины, на щеках которой засохла тушь, размытая тайными слезами. Она боялась плакать о своём сыне. А он был совсем рядом, за окном той странной комнаты. Но она ничего не сделала! Ничегошеньки не сделала, чтобы помочь ему. Или просто – похоронить.

И тут я услышала тихий стон. В уголке крошечной комнаты сидела женщина, та самая, и плакала. Я подошла к ней и взяла за руку. Она вздрогнула и подняла на меня глаза. Её радости не было предела, она обнимала меня и целовала, называла волшебницей, и когда она немного успокоилась, мы заметили, что на улице забрезжил рассвет. И утро настало так внезапно, как не бывает в реальном мире.

Теперь я могла рассмотреть другой мир, спрятанный за стеною моего Рая.

Он был похож на голую пустыню. Обветренные голые камни и песок. Ни травинки, ни деревца, лишь пустота и холод.

Вместо дома у женщины был крошечный сарайчик без окон и дверей, да ещё и я разобрала ей одну стену.

– Как вы здесь живёте? – спросила я её.

– Мне всё равно... Я заслужила! Я не смогла уберечь сына, и он умер у меня на руках.

– Вы не виноваты в его смерти! Его уже не вернуть, но вам нужно жить дальше. Нельзя опускать руки, ведь мы не случайно здесь...

– Я не знаю, почему я здесь.

Я была последней. Комната уже была пуста, и только тогда эта женщина с синими крыльями прилетела за мной, она печально покачала головой и скинула меня на камни. Женщина показала мне ободранные в кровь колени.

Наклонившись, чтобы рассмотреть её колени, я увидела, что моё платье меняет цвет и превращается в ту самую одежду, в которой я попала в свой мир. Я поняла, что ещё минута, и я останусь здесь навсегда. Я схватила женщину за руку и дёрнула её в сторону стены.

Я была дома... Но женщина осталась там, в своём мире. Нужно было забирать её – сразу, когда я ещё была сильна. Образ Сол давал мне силы, но они иссякли.

Ночь по мою сторону стены ещё не закончилась, и я выскочила из дома, и в лицо мне ударил холодный ветер осени вместе с дождём и пёстрой листвой. Точь-в-точь как в ту осень, когда я впервые увидела Сол с тем человеком. Я не помнила его лица, лишь статность фигуры и рост, но уверена, я бы легко могла его узнать, если бы встретила.

Я добралась до тропинки и пошла в сторону высокой скалы.

– Нужно залезть на неё! Во что бы то ни стало. Нужно залезть и спасти моих мальчиков.

Я карабкалась больше часа, но всё было безрезультатно, я не продвинулась ни на метр выше своего роста.

Я падала целую тысячу раз, разбивая ноги в кровь, и она стекала тоненькими струйками в мои туфли.

Усталая и поверженная, я направилась к дому и сразу легла спать. Эта ночь в Раю не слишком-то походила на райские кущи, но был и один весьма увесистый плюс. Я смогла пройти сквозь стену и найти ту женщину. Завтра я напишу ещё одну главу и вытащу её в свой мир, чего бы мне это ни стоило.

Постель была завалена осенней листвой, а рядом, на тумбочке, стояла бутылка молодого вина. Я хотела рассмотреть этикетку, и из-под бутылки вылетела бумажка, она так же, как и моя мебель, была отмечена гербом, но слегка иным, чем мой: буква Р и половина солнечного диска с лучами. Ниже красивым ровным почерком было написано:

«Надежда» – Лучшее вино Розового Острова, только для тебя.

Я налила это вино в чудесный хрустальный бокал, непонятным образом прикреплённый к кованой ножке, выпила его залпом и погрузилась в сон, которому не было равных...

Я летела высоко-высоко над землёй, и я была свободна, как ветер... И он больше не был моим врагом, напротив, он стал мне братом по духу, и другом – по направлению полёта наших мыслей. Мы вместе влетели в рассвет и растворились в нём под лучами жаркого солнца.

Глава 5. Скала...

Когда я проснулась и встала с кровати, что-то очень больно воткнулось мне в ногу. Наклонившись, я увидела разбившийся бокал и подняла его за кованую ножку. Стекло вывалилось, и в моей руке оказался предмет, напоминающий ключ с насечками и рукояткой. Если есть ключ, то и дверь рано или поздно найдётся. Но это сейчас было не главное... Я сунула ключ в карман, а сама поспешила в кабинет писать новую главу. Мне нужны были силы. Много сил! Но в кабинете меня ждало разочарование, бумаги на столе не было, а нижний ящик стола не открывался.

Значит, не время ещё. Что ж – подождём...

Я спустилась вниз и вышла на улицу. Ободренные вчера ночью ноги ныли и кровоточили. И не успела я подумать, что в мире фантазий раны должны заживать мгновенно, как они перестали болеть, а вскоре и исчезли вовсе.

Всё та же осень встретила меня холодным ветром, и мне пришлось помечтать о тёплой куртке. Но эта мечта не сбылась. Тогда я пошла другим путём...

Бабье лето теряло мне под ноги пёструю листву, и я подкидывала её ногами. Некогда цветущие луга – подсохли, и высокая пожелтевшая трава пела свою шуршащую песню.

Мне было так хорошо, так спокойно, я даже не пошла к скале, понимая, что сейчас это бессмысленно, а просто прошла по посадке возле дома, где большие сосны вчера сменились берёзами, осинами и огромным огненным клёном.

Я нагребла кучу листвы и села на неё, запустив руки в огненный костёр, пылающий вокруг меня. Я выбрала самый яркий лист и поднесла к своему лицу, чтобы вдохнуть осенний дух, но он пах машинным маслом...

Я начала тереть его в ладонях, но он, как пластилин, размяк и испачкал мне руки.

Я вскочила, как ошпаренная.

– Не настоящие!

Деревья, листья, осенний воздух, земля... Даже земля была не настоящая! Я начала рыть её руками, но вскоре мои пальцы коснулись чего-то холодного, очень холодного, как стенка в морозилке, и я отдёрнула руки.

Ни одной букашки, ни птички в небе, лишь искусственные звуки, ароматизаторы воздуха и суррогатные деревья. Бог знает из чего всё это сделано?

– Где я?

Так беспомощно и одиноко я себя ещё не чувствовала...

Инстинктивно мне хотелось бежать, куда глаза глядят, но невидимая стена откинула меня назад, в густую, но не настоящую траву.

Я встала и пошла вдоль этой стены, касаясь её рукой. Иногда мне под пальцы попадались полости металла или крепления. Она была не однородной и явно состояла из множества частей, скреплённых между собой.

Так я дошла до скалы. Похоже, скала была настоящая, из очень твёрдого камня. Невозможно было отколоть ни кусочка, как бы я ни старалась.

Я вновь попыталась вскарабкаться на гору, но тщетно. Сначала нужно научиться летать, как птица, или найти того, кто создал этот мир.

Я заметила, что начало темнеть, и поспешила в дом, где в кабинете меня уже ждала заветная стопка листков, о которых я мечтала с самого утра. Это было единственно настоящим из всего того, что окружало меня.

Глава 3. Робинзон Розового Острова

Иногда обычные люди похожи на настоящих волшебников, а волшебники – на самых обычных людей. Разница лишь в том, во что ты веришь.

Он сидел на крылечке, подперев голову руками, и мечтал. Вдаль уходила розовая волна плывущего облака. Она казалась бесконечной, такой бесконечной, что дух захватывало от восторга. От лёгкого ветерка волна вздрагивала и казалась живой, словно неведомое розовое чудовище везёт на своей спине и домик, и садик, и пруд с надоедливыми лягушками.

Это движение чувствовалось во всём, но на деле это была всего лишь – иллюзия. Он смотрел в эту розовую даль, и постепенно его глаза закрывались. Он уже не ощущал ни времени, ни пространства. Он думал только о ней.

– Что-то она делает сейчас? – спрашивал он сам себя. – Всё ли у неё хорошо?

Лягушки сегодня как с цепи сорвались! Их неугомонный хор в мельнемом, затянутом ряской пруду не умолкал ни на секунду. Он встал, поправил полы пиджака и крикнул во всё горло:

– Да замолчите же вы! Сколько можно?

И уже мягче:

– Дайте отдохнуть, право слово, устал я от вас. Вот возьму и превращу в улиток безмозглых. Как квакать-то станете, оглоеды зелёные?

Этот крайний шаг с утешением возымел своё действие лишь на минуту и снова – ква, ква, ква.

– Да что с ними сегодня?

Раньше он не позволил бы себе повышать голос на обитателей облака, ведь они скрашивали его одиночество. Он разговаривал с ними – рассказывал им свою прошлую жизнь и доверял свои сердечные тайны. Но сегодня...

Кажется, сегодня дело было вовсе не в лягушках, а в нём самом. Сегодня было ровно 100 лет с того дня, как он умер. И ровно 100 лет, как он видел её в последний раз. Она уходила прочь по розовой дорожке к самому краю облака, а он просто смотрел ей вслед, не смея окликнуть, не имея возможности догнать.

Тогда он поклялся сам себе, что дождётся её. Пусть она знает, что это место на веки вечные принадлежит им обоим. Их миленький домик, который она обставляла с такой любовью, её садик с дикими сортами ароматных роз, его любимый виноград, зреющий на сочной лозе, и их общие лягушки, глупые, но такие певучие лягушки, квакающие по вечерам вальсы самого Иоганна Штрауса. Он надеялся, что она тоже всё это помнит и знает, что он ждёт её здесь.

Но... Что-то свербило внутри, словно штопор входил в упругую пробку закупоренной бутылки. Он попробовал полить виноград, но упрямая лейка вместо зелёной лозы налила воды ему на ботинки. На его любимые и

единственные ботинки. Это конечно – пустяки, иллюзия, но всё равно – обидно. Он отбросил лейку в сторону и пошёл прочь, даже не обернувшись.

– Что ж за день сегодня такой! Надо что-то сделать с этим психозом. Может – полетать?

Он поднялся над землёй метров на 10 и упал вниз, нарушив гармонию розового моря.

– Не летается!

– Хоть бы одним глазком взглянуть на неё. Прикоснуться к ней. Заглянуть под её махровые ресницы и утонуть в чернеющей бездне её глаз.

– Сол, милая Сол...

А почему бы и нет? Почему не слетать на землю и не провести её? Ведь я ещё способен летать! Зло умерло вместе с моим измученным телом, но волшебство-то – осталось! Иначе всего бы этого не было.

Ведь здесь всё, ну почти всё, было наколдовано им, за исключением тех вещей, которые украшали их дом и сад. Их наколдовала она. Розовые кусты, белые кувшинки в маленьком пруду, тончайший фарфор обеденного сервиза и крошечные серебряные ложечки для вечернего чаепития. Ими так удобно было есть варенье из розовых лепестков. И ещё всякие разные мелочи, которые создают людям ощущение жилого пространства, радуя их глаза своим совершенством и исключительной красотой. На то она и Фея, его дорогая Сол.

– В птицу! Я могу превратиться в птицу! В белую ворону, например.

Самому стало смешно от подобной шутки. Белая ворона! Ха! Вот чудо так чудо, весь волшебный мир умер бы от смеха, увидев такое. Настроение улучшалось на глазах. По телу пробежала бодрость и замерла в сердце? И оно снова забилося часто-часто!

– Может, в воробья или синичку? – продолжал шутить он. – Да, уж больно мелко птички для такого волшебника! Для великого волшебника в отставке! Не успеешь глазом моргнуть или клювом щёлкнуть, как окажешься в желудке какого-нибудь шелудивого кота. Не сильно страшно для бессмертной души, но позору сколько, за 1000 лет не отмоешься. Да и неприятно, поди, когда тебя переваривают.

– Придумал!

Он завертелся на месте, взметнулся в небо и пропал, а к облакам, набирая скорость, летел большой чёрный Ворон. Дорога заняла не больше часа, и хоть он и не знал куда лететь, крылья несли его в правильном направлении, к её дому. Сердце билось всё в том же сумасшедшем ритме.

– Я скоро увижу её!

Но чем ближе к намеченной цели он приближался, тем сильнее в сердце закрадывался страх. А вдруг она была не одна? Ну, конечно, не одна. Она же – красавица! Каждый мечтает о такой Королеве. Это-то он знал наверняка! А вдруг она была влюблена в другого? Вдруг её сердце заночует, увидев его, и она страшно огорчится?

– Прилетел!

С этими мыслями он сел на карниз у её окна. Птичьи лапы не слушались, и он чуть не упал вниз.

– Смешно! Вот, дурень, разве могут птицы упасть?

Если даже и могут, то совсем ненадолго, пока их крылья не найдут поток ветра и не начнут свободный полёт, прочь от земли, туда, где и положено быть птицам, в небо.

Раннее утро. Розовый свет проникает в незашторенное окно. Комната, утопая в ярком свете, ещё хранит её сон. Но вот она проснулась. Выскользнула из-под уютного одеяла и села на кровати. Потянулась ещё раз и встала босыми ногами на мягкий ковёр. Приподнявшись на цыпочки, она вытянула руки вверх, а затем поправила волосы, собрав их в небрежный пучок.

– Она всё ещё была хороша, чертовски хороша! – думал Ра, разглядывая любимую. – Ей бы быть ведьмой. Такие сильные чары присущи только им – ведьмам, а вот Феи, они гораздо слабее, но зато они светятся, как она – теперь, при этом розовом утреннем свете.

Красавица! Моя красавица!

И это новое тело ей так идёт, даже лучше чем то, что он помнил. Это – куда соблазнительней!

Постель её была пуста, от чего он был бесконечно счастлив. Она никого себе не завела! Ахиллужа! А то бы он умер от ревности. Кокетливо спустив бретельки ночной рубашки, она уронила её на пол и, переступив через неё, зашагала в ванную.

– Как же неудобно сидеть на этом подоконнике, вот чёрт!

Он хотел постучать в окно, чтобы она услышала его и впустила в комнату, но, не удержавшись, он рухнул вниз. Как ни странно, времени распусть крылья не нашлось. Его накрыли чем-то тяжёлым и очень пыльным.

– Вот это находка! Я такую птицу только в книжках видел. Но я не помню, как она называется.

– Кажется, она называется Ворон, – сказал второй голос, не такой хриплый, но более взрослый. – Ворон живёт 1000 или 100 лет, я точно не помню. Но то, что его можно дорого загнать в зоомагазин, это точно. Это штучка позэкзотичней любой инопланетной нечисти будет.

– Засовывай его в мешок, а там – разберёмся. Не удастся продать, сварим из него суп. Посмотри, какой он жирный. Наваристое будет варево, какая-никакая, а птица. Эх, даже в животе забурчало, – и с этими словами говорящий больно пнул птицу ногой в тяжёлом ботинке.

– Во попал! – думал Ра, сидя в мешке. И как меня угораздило. Первый раз за 100 лет выбрался на волю, и вот, на тебе, уже грозятся в супе сварить.

Раньше из ворон суп только бомжи варили, неужели в Москве 2110 года такие ещё имеются. Несуразица какая-то. И к чему только мир катится!?

За время этих размышлений его дотащили до зоомагазина и вытряхнули из мешка на полированный стол.

– Нате вот, тётушка! Наше чудо пернатое! Ворон! – гордо сказал мальчишка помладше.

Теперь Ра разглядел, что это были всего лишь мальчишки, лет по 12 – 13, чумазные и очень плохо одетые. От мальчишек его времени их отличали странные браслеты на запястье и зелёные волосы.

Продавщица ощупала Ворона, расправила его крылья, заглянула под хвост и спросила у мальчишек:

– А он говорящий? Я читала, что они должны быть говорящими. Ваша птица сколько языков знает?

Мальчишки стояли обомлевшие и даже слегка побледневшие. Такого поворота событий они никак не ожидали. Потом один очнулся и стал трясти Ворона:

– Эй, глупая птица, говори немедленно, а то прибую.

Ра решил, что нужно говорить, иначе его жизнь закончится очень быстро:

– Я рад видеть Вас, мадам! – сказал он на всех языках, что знал.

– I am glad to see you, madam!

– Ich bin froh, Sie, Madame zu sehen!

– Je suis content de vous voir, la madame!

– Soy contento verle, la senora!

Продавщица выпучила и без того огромные глаза и начала икать от волнения.

– Во даёт! – хором вскрикнули ребята. Промоглот!

– Полиглот, – поправила их женщина и решила обратиться к Ворону, дабы убедиться в его сверхспособностях!

– Как вас зовут, умная птица?

– Ра, меня зовут Ра, но вы, сударыня, можете дать мне любое имя, пришедшее вам на ум.

– Раф, ах нет, лучше Граф. Я назову вас Граф, господин Ворон. Так и напишем на табличке:

«Самая умная птица в мире – Граф»

Ра привязали за лапку к позолоченной и очень дорогой клетке и посадили в витрину, а ребята, получив деньги, ещё долго гримасничали за стеклом. Потом и они ушли.

– Как это унижительно! И всё это я терплю из-за Сол... – бурчал себе под клюв Ворон.

В магазине было мало народа. Редкие покупатели глазели на странных обитателей огромных аквариумов и совсем не замечали Ворона.

Звери с других планет, как сказали те мальчишки, выглядели достаточно жалко в этих стеклянных клетках. Они тихо лежали на дне, и над ними висели таблички:

«Они не умерли. Они спят».

И действительно, со стороны они казались мёртвыми.

Пища нетронута, глаза закрыты, и ни одного движения за то время, что потенциальный покупатель стоит у аквариума. Словно они специально замирали, впадали в транс, чтобы их не купили, а оставили в покое – умирать в этом никчёмном магазинчике.

А когда все уходили, время от времени кто-то из них поднимал голову и издавал душераздирающий стон.

У Ворона при этом стоне кровь застыла в жилах.

Чего он только не изведal за свои долгие века проживания на этой земле, но такого ему видеть не приходилось.

Инопланетный розовый ящер с пятью головами и расщеплённым хвостом вставал на задние лапы и вновь падал на дно аквариума. Эти ящеры были разных размеров и цветов, от огненно красного до бледно-розового.

Одна толстая дама выбрала себе малинового, сказала, что он очень подходит к обивке её дивана. И расплатившись на кассе, быстро ушла.

Через час за ним приехала машина...

Аквариум вынесли на улицу и погрузили в багажник. И через витрину Ра было прекрасно видно, как бился ящер о стенки аквариума и как у него по щекам текли слёзы цвета человеческой крови.

Она бежала по улице, почти летела. Надо было спешить. Новый дом, новая работа, новые друзья! Нельзя опаздывать! Иначе о ней сложится плохое мнение, и тогда придётся менять и дом, и работу, и друзей.

– Ах, милый Ра, как я скучаю по тебе. Сидели бы сейчас, пили жасминовый чай, и никаких тебе проблем. Ра, где ты, Ра?

Иногда такое находило на неё, особенно когда приходилось всё начинать сначала. Она чувствовала себя такой растерянной и незащищённой. И так хотелось, что бы он обнял её и погладил по волосам.

– Ра....

И тут в витрине зоомагазина она увидела его...

Трудно поверить своим глазам, когда любовь всей твоей жизни сидит в витрине на верёвочке, привязанной к золочёной клетке. Она бросилась к стеклу, а он виновато опустил голову. Сол влетела в магазин с такой скоростью, что дверь чуть было не слетела с петель.

– Я беру эту птицу!

– Но, мадмуазель, эта птица стоит очень дорого!

– Это не имеет значения. У этой птицы нет цены! Я хотела сказать, что эта птица – бесценна, но я готова заплатить за неё любые деньги.

Сол достала из сумочки мешочек с брильянтами.

– Вот! Возьмите сколько нужно и отдайте мне птицу!

Продавщица, словно под гипнозом, взяла несколько камней и протянула клетку Сол. Сол схватила её и выбежала на улицу.

– Нельзя опаздывать на работу! – говорил ей внутренний голос, а сердце громко кричало:

– Какого чёрта, нельзя опаздывать, когда он так близко. Ты не видела его 100 лет. Долгие 100 лет – без любви и тепла. Нет! Плевать на работу, на всё – плевать!

Она притащила клетку домой. Открыла её и выпустила Ворона.

– Пять минут, Сол...

Он завертелся на месте, вспыхнул, как последний луч уходящего солнца, и стал самим собой.

– Больше не делай так – никогда! Слышишь – никогда! – кричала взбешённая Фея.

– Хорошо! Больше не буду! Чёрт дёрнул меня превратиться в птицу!

– Ты давно должен разорвать все связи с этим господином. Что тебе – Чёрт, когда ты сам себе хозяин!

– И то правда. Я люблю тебя, Сол!

Он бросился к ней и стал покрывать её тело бесконечными поцелуями. Ещё и ещё, и ещё...

– Сол, приходи быстрее, я так больше не могу. Я истощился без тебя, я весь высох без возможности любить тебя, желать тебя. Чувствовать твоё тело...

– Ты хочешь, чтобы я умерла?

Он не успел ответить... Пять минут истекло!

Он вновь сидел на крылечке, подперев голову руками, и мечтал.

– Сол, милая Сол...

В пруду заквакали лягушки, но хор новых обитателей облака заглушил эту серенаду.

Дракончики, как назвал их Ра, были несказанно счастливы своему освобождению и с наслаждением ныряли в розовую глубину облака и поднимали на поверхность огромные волны. Они подплывали к его ногам и тёрлись о них с лёгким кошачьим урчанием.

Улетая с земли, он успел заглянуть в зоомагазин и устроить там настоящий погром. Всё, что ему было нужно, это стайка инопланетных дракончиков, и, уходя, он сказал несчастной продавщице:

– Они очень подходят к моему острову, он такой же розовый, как и они.

– Ах, Сол, тебе бы они понравились...

Я вскочила вся в поту...

– Я умею летать! Должна уметь летать!

Я выскочила на улицу. Рассвет едва коснулся тропинки, ведущей к скале, и я побежала, всё быстрее и быстрее. Расправила руки и взлетела...

Вот и окно в скале, через которое я попала сюда. Протиснувшись внутрь, я увидела, что каменная комната до краёв наполнена водой. На поверхности плавала какая-то муть и мусор. Я потрогала воду – холодная. Перелететь? Но потолок так низко, мне не протиснуться в эту узкую полоску.

И я решила плыть... Я не боялась холодной воды, но боялась глубины, а вдруг кто-то вынырнет и схватит меня за ногу.

Я думала о мёртвом брате. Представляла себе, как он утягивает меня на дно, и от этого плыть становилось всё тяжелее и тяжелее, дыхание сбивалось, а ноги немели от холода. Я была беспомощна как ребёнок, а ведь ещё недавно я могла летать.

Мусор попадался мне под руки, и я с омерзением стряхивала его. За ногу зацепился полиэтиленовый пакет, и я никак не могла откинуть его. Платье намокло и прилипло к телу, и я стала тонуть...

Я едва шевелила ногами и уже пару раз хлебнула ледяную, слегка солёную воду, и тут под моими пальцами оказалась стена.

Я нащупала ручку двери и открыла её...

Свет ударил мне в глаза. Настоящий солнечный свет, а не тот искусственный, что был в том мире, куда меня кинули.

Я долго жмурилась, но всё же смогла справиться с резью в глазах и тогда я увидела нечто потрясающее и ужасающее одновременно.

То место, где я находилась, крепилось к поверхности земли сложной конструкцией из металлических труб.

Я сказала «к земле»? О нет, к воде...

Вода была везде... До самого горизонта. Вода и только вода! Со всех сторон.

До воды было рукой подать, и я с лёгкостью могла бы прыгнуть туда и поплыть, но куда?

Пройдя по толстой трубе, я попала на узкую прямоугольную платформу и выпрямилась во весь рост.

Страх не было, ведь я умела летать...

Моё лёгкое платьице моментально высохло благодаря ветру, который, видимо, был рад моему внезапному появлению, уж очень нежно и ласково он играл с моими волосами. И я почувствовала лёгкость в движениях и даже подняла руки, чтобы вновь взлететь, и тут же вцепилась в трубу...

Умела летать...

Вот именно, что умела. Раньше! А теперь, я дрожала от страха, качаясь на ветру над утонувшей планетой Земля.

Я боялась пошевелиться, поняв, что больше не обладаю силой Сол...

Я присела на корточки, а потом медленно, держась руками за балки, села на платформу и только теперь могла оглядеться.

От края моего мира можно было проползти вглубь конструкции и посмотреть, что там... Нужно было раз и навсегда, понять – где я?

Странная конструкция состояла из тридцати трёх секций. Я пересчитала ещё раз. Да, точно так, тридцать три. Одна из них была моим миром.

Рядом со мной был мир той несчастной женщины. Даже отсюда он казался тёмным пятном. В нём не было света, и по размеру он был меньше всех остальных, а в сравнении с моим просто крошечным. Я вспомнила, что эта женщина рассказывала, что она была последней, и хозяйка дома долго вздыхала, не зная, куда её пристроить.

Скорее всего, её мир – это отрезанная часть от какого-то другого мира, нужно же было пристроить человека. Как горбушка у батона: и выкинуть жалко, и есть – неохота.

Мне было жаль ту несчастную, но посмотрев на бесконечную гладь воды до самого горизонта, я поняла, как ей повезло.

Как всем нам – повезло! Тем, кто смог пережить конец света и получить в дар свой собственный мир.

Но кого нужно благодарить за это? Бога? Но разве Бог станет сооружать подобные конструкции?

Нет! Бог даровал бы нам иной Рай, на небе, где бы нам не пришлось собирать листья из пластилина и вдыхать искусственный воздух. И при этом мы бы не чувствовали ни боли, ни страха, мы были бы мертвы.

Но сейчас – я жива, хоть и не ела уже три дня...

Странно, и почему это наши спасители не подумали о провианте? Так и ноги протянуть недолго...

Похоже, это прозвучало как одно из моих желаний. Голова закружилась и, не удержавшись на скользкой площадке, я упала вниз. Падение длилось не больше минуты, и я рухнула на камни, больно ударившись бедром.

Глава 6. Забери мою печаль...

Из всех миров, в которые я бы хотела попасть, меня угораздило свалиться в крошечный мирок той несчастной женщины, что до сих пор рыдала, оплакивая своего погибшего сына. Её стоны раздавались из развалившегося сарая...

Я вспомнила, что это именно я причастна к разлому её дома, и этот факт, как ни странно, утешил меня.

Мой собственный Рай, совсем недалеко, за стеной, и если очень постараться, то можно перелезть туда, перелететь или просочиться сквозь стену... Неважно... Главное, это – рядом! Совсем рядом!

Только сейчас я поняла, как успела привязаться к своему уютному дому, пластилиновому полю и искусственным деревьям, но главное, там на столе лежала новая глава моего романа, которую я так и не смогла дописать. Эта глава дала бы мне – силу, и тогда, возможно, я бы могла научиться преодолевать разделительную стену между мирами и познакомиться со всеми обитателями неизведанных миров.

А пока... Попробуем утешить эту несчастную.

Я заглянула в сарай, и, увидев меня, та бросилась мне на шею и заплакала ещё сильнее, но уже от радости видеть меня.

– Вы снова пришли! Какое счастье. Вы ведь заберёте меня отсюда?

– Я постараюсь! – ответила я, решив, что не буду огорчать её раньше времени.

На самом деле я и понятия не имела, как забрать её в свой мир и как попасть туда самой...

Мы сели на лавочку, и я обняла её за плечи для того, чтобы как-то согреть её замёрзшее тело. В этом мире было очень холодно, как и в её душе.

И всё же устроители сего шоу могли бы пожалеть человека и чуть-чуть добавить искусственного тепла, чтобы она не окоченела до смерти...

Словно услышав мои слова, тёплый воздух проник сквозь отвалившиеся доски сарая.
– И посветлее... – добавила я.

Не сразу, медленно-медленно искусственный восход наполнил малиновым светом крошечный мир и ворвался в него неожиданно солнечным утром.

– Я больше не одна! Спасибо, Господи, за этот подарок!

Женщина встала на колени и сложила руки для молитвы. Я подождала немного, пока она выложит Господу всю свою благодарность за мой визит, и вновь усадила её на лавочку:

– Как вас зовут?

– Мария Петровна. Маша. Вы можете звать меня Машей. Так лучше будет.

Она взяла мою руку в свою и прижала к себе.

– Хорошо, я буду звать вас Маша, а меня вы можете называть...

Я замолчала. Мне хотелось назвать ей своё имя, но я забыла его. Как это могло случиться? Я помнила всё, до мелочей. Всю свою жизнь до сего дня, но не помнила, как меня зовут. Это потрясло меня невероятно. Я начала перебирать в уме все известные женские имена, но ни одно из них не было моим. Я это точно знала, потому как, называя каждое из них, я чувствовала холод.

– Так как вас зовут?

Маше не терпелось познакомиться со мной, а я молчала, как в рот воды набравши.

Потерять имя... Это равносильно тому, как потерять свою жизнь, свои воспоминания, своё лицо, в конце концов.

А может быть, я Сол? Та странная Сол из моего романа. Может, именно поэтому я не могу вспомнить своё настоящее имя, потому что я теперь – Сол!

– Меня зовут Сол! – сказала я Маше, и словно камень с души свалился... Пусть будет так. Ведь должна же она меня как-то называть.

Мне совсем не хотелось, чтобы люди кричали мне вслед «Эй, как там тебя зовут, иди сюда...» А Сол – хорошее имя! Необычное, но красивое.

Теперь настало время расспросить Машу о её прошлом. Я надеялась, что она не будет плакать и всё же расскажет мне, что случилось с её сыном. Она помялась слегка и начала свой рассказ.

Оказывается, она была в нашем городишке проездом, приезжала навестить свою двоюродную сестру, у которой месяц назад родился сынок Никитка. Маша жила в Новомосковске, работала в местной радиостанции, ведущей, а сын её, Вениамин, учился в одиннадцатом классе и собирался стать актёром.

Передача «Последние романтики» не была слишком популярна у радиослушателей, и её несколько раз закрывали, и Маша по месяцу сидела без работы, а потом её возвращали в эфир по просьбам телезрителей. Пусть их было – на пальцах перечесть, но видимо романтики были самыми упорными людьми и каждый раз они добивались своего.

Честно говоря, глядя на эту женщину сейчас, я никогда бы не подумала, что она окончила факультет журналистики и вела программу на радио. Скорее она походила на забитую мужем домохозяйку, рыдающую над бесконечными сериалами и своей несостоявшейся жизнью.

И это вполне объяснимо. Горе разрушает нас, не оставляя камня на камне в нашей душе, и, чтобы вновь обрести себя, нужна помощь близких. И я пришла, чтобы помочь ей, да и себе тоже, ведь одиночество подобно горю. Меньше всего я хотела становиться Робинзоном в своём выдуманном мире.

Итак, вернёмся к её рассказу. Они приехали в наш город в самое неподходящее время для таких путешествий. Просидев несколько дней в квартире, гости нашего захолустья всё же рискнули и вышли на улицу слегка погулять по городу, но не прошло и пятнадцати минут, как сильный ветер погнал их к домику на окраине города. Маша бежала по дороге, а Вениамин пытался сопротивляться и со всего маху ударился головой о дерево. Маша пыталась дотащить его к дому, но перед самым крыльцом он упал... Из его груди раздался страшный стон, он вздохнул последний раз, вздрогнул и умер.

Бедная женщина едва не умерла от горя вслед за сыном, но дверь открылась, и её поманили в дом. И у неё не было сил отказаться, и она бросила тело сына и пошла на зов.

Я помнила, что сама была в такой же ситуации. Когда меня пригласили в дом, я ведь тоже была словно под гипнозом и тупо вошла в эту западню. Я спрашивала себя, что выдающегося Они, устроители этого выборочного спасения, нашли во мне, в этой женщине и во всех остальных, с виду не слишком интересных персонах, которые были в той комнате?

Вопрос без ответа. Странно ощущать себя избранной, когда планета погребена под толщей воды.

Я рассказала Маше то, что узнала об этом мире, и о том, что случилось с Землёй.

– Значит, конец света всё же наступил?

– Вероятней всего, да!

– Но, тогда, где мы?

– Вот этого я не знаю, но пока мы живы у нас есть шанс узнать это.

Я встала и начала исследовать стены этого убогого жилища. Они все были в дырках, но теперь, когда в сарае стало достаточно светло, на стене у лавочки можно было различить часы с кукушкой, которые не ходили, и фотографию того юноши, которого я видела на газоне...

Мёртвый мальчик смотрел с фотографии большими карими глазами, почти живыми, на это её фантазии хватило с избытком. А часы она остановила в то время, когда её сын испустил последний вздох...

Я поспешила увести её отсюда, но она попросила взять фотографию, и я не стала ей мешать, а вдруг создать такую же в моём мире не удастся?

Мы вышли из сарая и пошли в сторону скалы, с которой я свалилась...

Устроители этого загончика видимо очень спешили, отделяя его от моего Рая, и здесь я обнаружила небольшую щель между скалой и моим миром. Я сбегала в сарай, отодрала от стены доску потолще и...

Как оказалось, эта доска была не из дерева, а из какого-то металла, искусно имитирующего дерево, и, вставив доску в щель, я начала расширять её, пока она не стала достаточно широкой для того, чтобы мы могли пролезть в неё.

Вот почему и в этом мире действовали мои фантазии, потому что в стене была брешь, и магия моего мира проникала и сюда.

В моём Раю наступил вечер, я повела Машу в дом и уложила её спать в гостиной, а сама побежала в кабинет и, увидев заветную стопку бумаг, бросилась писать новую главу романа.

Глава 4. Хроники любви

Иногда обычные люди похожи на настоящих волшебников, а волшебники – на самых обычных людей. Разница лишь в том, во что ты веришь.

Она собирала чёрные перышки в серебряную коробочку и плакала. Самые большие перья она прижимала к губам и целовала их прежде чем опустить в шкатулку, а мелкие, пушистые, теребила указательным пальцем, проводя длинным ноготком у серого основания пера, и тоже клала их в шкатулку.

Её слёзы текли из глаз и падали на перья. Но те не намокали, а лишь покрывались серебряным налётом и застывали. Через час её трудов шкатулка была доверху заполнена серебром высшей пробы.

– Милый! Ну, вот и всё. И стоило из-за этого прилетать?

Она легла на кровать, словно младенец, поджала под себя ноги, обхватила плечи руками и начала вспоминать.

Феи любви так часто дарят это чувство окружающим, что когда оно приходит к ним, они это понимают не сразу. Оттого, что оно заполняет их целиком и полностью, до самого верха.

Так было и с ней. Ей казалось, что оно, это чувство, жило в ней вечно, ну, ровно столько, сколько она себя помнит. А помнит она себя очень, очень давно. И в этой жизни, и во всех предыдущих. И в каждой из них он приходил к ней и забирал её сердце, и так множество раз.

Она с трепетом ждала его появления. Чувствовала, что он где-то рядом. Воздух менялся. Он наполнялся другими ароматами и становился более лёгким. Им можно было дышать так часто, как только хотелось. Этот воздух был не просто с запахом, он был с цветом, с ощущениями и даже с картинками из прошлого и будущего их любви.

Он всегда появлялся внезапно. Эффектно! Как в тот вечер, на весеннем балу в Вене. Играл их любимый Штраус. Пары кружились в вальсе, и тут в залу вошёл он. В белом смокинге и с тёмно-фиолетовой бабочкой на вороте. Как только музыка стихла, бабочка слетела с рубашки и полетела мимо танцующих. Один круг и ещё один, и ещё один. Дамы визжали от восторга, а кавалеры удивлённо переглядывались. Потом он демонстративно щёлкнул пальцами, и бабочка исчезла, превратившись в золотой дождь, который упал ей на голову, и она стояла вся в золоте, как и подобает настоящей Фее.

Тогда он подошёл к ней, сделал жест музыкантам, чтобы они продолжали играть, и пригласил её на танец. Они кружились в вальсе, не отрываясь, смотрели друг другу в глаза, а вся публика императорского дворца, затаив дыхание, наблюдала за их танцем. Когда музыканты закончили играть, и скрипач последний раз ударил смычком о струны, они покинули зал. Просто растаяли в воздухе, словно их и не было.

Все ахнули! Дамы попадали на паркет, а кавалеры стали обмахивать их веерами. Но им уже было всё равно. Они мчались по дороге в запылённой карете, как можно дальше от этого места. В домик своей мечты. Туда, где начинается рассвет и заканчивается вечер. Туда, где они были по-настоящему счастливы.

А в другой раз, ровно сто лет до этого, он просто обескуражил её. Таким она его ещё не знала: безудержным и беспощадным, как и подобает злым волшебникам. Но таким она обожала его больше всего. Он был не похожим на всех остальных, его индивидуальность была во всём, в манере говорить, двигаться, и, конечно же, в его сумасшедших поступках.

Он был беспощадным пиратом Карибского моря, и возил на своём корабле «чёрное золото», рабов, к берегам Северной Америки. Там и произошла их встреча, вспоминая которую, она вся дрожала, как осинный лист. Эта встреча была особенной, даже среди самых потрясающих встреч. Самой волнующей!

О, нет ничего приятнее для злого волшебника, как быть капитаном пиратской шхуны, идущей под чёрным парусом навстречу своей удаче. Но иногда и капитану бесстрашных пиратов нужен отдых, и его корабль, сложив паруса, встаёт на якорь у одного из безымянных островов Карибского моря.

Белый песок серебрился у неё под ногами, словно драгоценные камни, покрошенные в пудру. Она бежала через пляж, лишь только завидев на горизонте чёрную тень приближающегося корабля.

– Ра, милый Ра, как ты будешь удивлён, увидев меня здесь!

Сол скользнула в джунгли и притаилась за толстым стволом финиковой пальмы. Корабль быстро приближался и вскоре, как скала, вырос в центре лазурной бухты. Начинаясь прилив, и мелкие белые барашки волн стремительно понеслись в сторону берега, а с ними пара лодок, отплывающих с пиратского корабля. Сол наблюдала за ними из-за дерева, и сердце её бешено колотилось.

Как она спешила на этот остров, сколько сил пришлось потратить влюблённой Фее, чтобы заставить небольшую дырявую шхуну отправиться в это путешествие? Вся сила убеждения и мешочек брильянтовых слёз ушёл на этот подвиг. И теперь она умирала от нетерпения, чтобы не выскочить на берег и не побежать по нарастающим волнам навстречу своей любви. Она чувствовала его приближение, но как-то неуверенно, не так как обычно, словно он был ещё очень далеко отсюда, но всё же шёл в правильном направлении...

Когда там, на розовом облаке, в прошлую среду он рассказал ей об этом острове, в её голове мгновенно зародился план. На его исполнение ушла ровно неделя. И пусть их встречи в небесном доме были восхитительным подарком для двух любящих душ, но они не могли насладиться их тела до тех пор, пока они ещё были живы. И только на грешной земле они могли насытить свои желания пламенем любви и страсти.

В одной из лодок поднялась тёмная фигура, и человек показал рукой в сторону берега, поторапливая гребцов грубым окликом.

– Он, это он! Сол, надо терпеть, Сол. Не смей сама себе портить праздник!

Она знала, что он давным-давно почувствовал её присутствие, но всё равно, это лишь догадки в её голове. С дерева на неё упала гроздь переспелых фиников, и она отвлеклась лишь на минуту. Она ругалась и почёсывала макушку, а тем временем лодки причалили к берегу. Сол выглянула на них и обомлела.

На берегу стоял её любимый Ра и не один, а в компании двух очаровательных девушек. Они жались к нему и ластились как кошки. Одна, более смуглая, опустилась на колени и стала целовать руки своего господина. Наверное, после рук она бы перекинулась и на ноги, но пират поднял её быстрым жестом, а сам в это время держал талию белокожей рабыни и что-

то шептал ей на ушко. Терпению Сол пришёл конец, и она, выскочив из-за пальмы, набросилась на Ра с кулаками.

– Негодяй! – кричала Сол. – Как ты посмел подвергнуть мои чувства такому жестокому испытанию?

Ра обернулся, и Сол лишилась сначала дара речи, а затем и чувств. Но лишь на мгновение... Этот господин, такой похожий на Ра, оказался совершенно другим человеком. У него был такой же рост, цвет волос, осанка, даже голос на расстоянии звучал как голос Ра.

Сол поняла, что сюрприз не удался, и проблем у неё сильно прибавилось.

Пират отстранил от себя наложниц, опустился на колени и приподнял голову Сол с песка:

– Красавица! Редкостная красавица! Роскошная женщина!

Он провёл влажной ладонью по её волосам, и на его пальцах осталась золотая пыль. Глаза пирата заблестели от восторга.

– Она покрыта золотом. Клянусь морским дьяволом, настоящим золотом! Она богиня или Фея. Немедленно отнесите её в мой дом и уложите в кровать, да поживее, дохлые каракатицы! И чтобы ни один волос не упал с её головы. Глаз с неё не спускайте, а не то – лишитесь жизни.

Слуги подхватили Сол и понесли её в джунгли, бережно покачивая на носилках из банановых листьев. К тому времени она уже пришла в себя, но поняла, что бежать совершенно бесполезно. Во-первых, она не знает местности, а во-вторых, ей никак не вырваться из лап пиратов, не сводящих с неё глаз. Конечно же, она могла закрыть глаза и перенести свою душу за тысячу километров отсюда, но её тело, что стало бы с ним? Возможно, это бы был его последний день. Жаль, ей было очень жаль это тело, она его очень любила, оно как нельзя лучше гармонировало с её образом – Феи Любви. В нём она чувствовала себе гораздо комфортнее, чем во всех предыдущих телах. После ночных путешествий она возвращалась в него с удовольствием, с радостью, и теперь, по своей глупости – лишиться его...

Нет, только не это!

Дом, в который её принесли, был огромным шалашом и не более: крыша – из пальмовых веток, а мебель – из бамбука. Комнаты были разделены плетёными шторами, но за каждой из них виднелась кровать, видимо для пассивного величия его пиратского величества.

Его живые игрушки, купленные на невольнических рынках или захваченные на ограбленных кораблях, проживали свой недолгий девичий век в этом убогом месте, где постоянная влажность и москиты помогали старости взять над ними верх. После чего их жизнь уже не стоила ни гроша, и они, скорее всего, становились прикормом для кровожадных акул.

Теперь и она – Сол, одна из таких игрушек. И страшно подумать, что будет с ней, если она не подчинится его воле. Хотя, что страшного? В конце концов, она применит свою магию любви. Он полюбит её всем сердцем и будет марионеткой в её руках, но это – самый последний из возможных вариантов, она ещё не применяла его, никогда. И не дай Бог! Она бы обрекла его на вечные муки любви. И нет никакого противоядия от этой болезни. Она без права на спасение.

В комнату ворвался пиратский капитан и тем самым нарушил ход её мыслей. За капитаном бежали невольницы, что-то выкрикивали по очереди на незнакомом для Сол языке.

– Пошли вон! – прикрикнул он на них так гневно и раздражённо, что у них не было другого выхода, как только подчиниться и удалиться восвояси. Он подошёл к Сол и сел на край кровати:

– Я не трону тебя, не бойся! Пока не трону, но ты расскажешь мне, как ты делаешь это золото, которым покрыта.

– Делаешь золото... – передразнила его Сол. Как можно делать золото?

– Но ты покрыта золотом!

– Это – звёздная пыль, а не золото. Это пыль сохраняет мою молодость, подпитывает мои силы, но она может быть смертельным ядом для тех, кто желает причинить мне вред.

– Я же сказал, что вовсе не хочу этого. Но я не могу отпустить тебя. Такое чудо встречается раз в жизни.

– Я не прошу отпустить меня прямо сейчас, а чуть позже, когда за мной придут.

– Придут? Кто же они?

– Он! И он – близко. И его шаги уже слышны...

Сердце Сол бешено забилося. Ра был рядом, так близко, что можно было различить его шаги, почувствовать, как он дышит, взбираясь на эту гору, на которой стоял дом. Она ждала, что вот-вот и он появится в дверном проёме и спасёт её. Но он всё не шёл и не шёл... Но тут лёгкий прибрежный ветерок зашуршал плетёными шторами. Пробежался по каждой, и всякий раз звучала странная музыка. У каждой шторки – своя собственная песня-шуршалка. Она была готова ко всему, но музыка стихла, и ветер покинул дом так же неожиданно, как и ворвался сюда. Сол откинулась на подушку, но тут же над её ухом жужжала муха:

– Ну и попала ты, детка! Как тебя угораздило?

– А то ты сам не знаешь? Для тебя же старалась! Вытаскивай меня отсюда, да поживее, а то я обижусь...

Сол надула свои хорошенькие щёчки и отвернулась от мухи, но та не унималась и хотела довести Фею до состояния волшебства.

– Ну же! Ты же можешь! Преврати этого мужлана в крысу или обезьянку! Ха, в обезьянку! Представляю, какая это будет потеха. Как он будет улаживать своих наложниц в таком нелепом виде!

Муха жужжала не переставая, а в мозгу у Сол звучал смех её Ра.

– Если ты не хочешь меня спасти, а хочешь посмотреть, как этот болван будет счищать с меня звёздную пыль, пожалуйста, но учти, это – последний день в этом тысячелетии, когда я с тобою разговариваю! Ах, вот ещё что, твоё вино нового урожая – кислое.

Кислое! Кислое! – кричала мысленно Сол, а муха замолчала и вылетела в дверь.

И тут же в комнату вошёл Ра. Ах, как он был хорош! Его стройная высокая фигура, чёрные волосы, зачёсанные назад и сплетённые тугой косичкой, его горящие глаза, как жерло вулкана, и плотно сжатые губы, говорящие о том, что он зол. О да, он был не на шутку разъярён. И она это знала. Ну, так ему и надо, будет знать, как тянуть со спасением. А вино его действительно – кислое. Она сказала чистую правду. Виноград в этом году не удался, а виной всему – его плохое настроение в последний год. И кислое выражение лица. Вырви глаз, да и только.

Её пленитель вскочил с кровати и выдернул саблю, делая стойку, готовясь к нападению.

– Оставь! – махнув на него рукой, сказал Ра. – Я не собираюсь тебя убивать, в этом нет нужды. Я пришёл за ней!

– Но она моя!

– Твоя? Где на ней написано, что она твоя? Эта женщина моя собственность. Она сбежала из моего гарема, и я объездил все острова, чтобы найти эту дрянь!

Ра сказал это с такой ненавистью, что у Сол по коже побежали мурашки. А Ра подошёл к ней и одним рывком сдёрнул платье с её плеча. Оно поползло вниз, обнажая грудь... Сол вцепилась в него руками, пытаясь хоть как-то прикрыться.

– Дурак! – процедила она сквозь зубы.

– Вот, смотри!

Ра встряхнул Сол и повернул её плечом в сторону пирата.

На плече горело клеймо. Оно впечаталось глубоко в плечо и продолжало светиться, словно калёное железо оставило не только свой отпечаток, но и жар кострища, на котором его нагревали. На клейме был символ – буква Р и половина солнечного диска с лучами.

– Такими клеймами я отмечаю всё, что принадлежит мне. Вещи, животных, рабов и, конечно, женщин. И эта – не исключение.

– Да я вижу! Что ж, забирай свою женщину! Но позволь мне предложить за неё деньги. Много денег, очень много денег!

– Деньги! Ты смеёшься надо мной, глупец. Эта женщина – бесценна! Неужели ты не видишь, что она сама – целое состояние. Она с ног до головы покрыта золотом, её слёзы – драгоценные камни, её мысли равны знаниям, накопленным веками величайшими мудрецами мира. Эта женщина так красива, что небо не замечает солнца в её присутствии, а луна не замечает звёзд. Её взгляд подобно пламени истины испепеляет нечестивцев и скверну, он вселяет любовь в их сердца. И эту женщину ты хочешь оставить себе!? И ты уверен, что можешь справиться с такой силой?

– Забирай свою ведьму и уходи.

– То-то же! Пойдём, Сол, твоё приключение закончилось.

Они вышли из дома и больше не посмотрели друг на друга ни разу. Так они дошли до берега, сели в лодку и доплыли до пиратской шхуны. Они молчали и там....

Уже дома Сол упала на кровать и заплакала. Слезинки падали на пол маленькими брильянтами и наполняли её туфельку, торчавшую из-под кровати, чем избавляли её от утомительной уборки. Не очень приятно наступать босыми ногами на колкие камешки, а тем более, ползать на коленях и собирать их в ладонь.

Она проплакала до самой ночи, и когда солнце коснулось земли и ушло за малиновый горизонт, её душа встрепенулась и вылетела в окно. Она летела на Розовое облако, чтобы сказать ему, как она любит его, но...

Он сидел под виноградной лозой, закрыв голову руками и почти плакал. Слёз не было, но душа надрывалась от стонов.

Ну, как он мог обидеть её? Как? И всё из-за этого вина. А ведь оно действительно – кислое. Обидеть Сол... Она – всё, что у него есть! Она – смысл всей его жизни, каждого дня, каждого взгляда, каждого вздоха. А вдруг она разлюбит его и бросит? И больше никогда не прилетит на этот остров, не запустит свои тонкие пальцы в его непослушные волосы и не скажет тех ласковых слов, от которых он тает, как масло на сковородке. Сол... Сол...

Она подошла сзади и поцеловала его в макушку, потрепала по голове и повернула к себе. Она ласково прикоснулась губами к его губам и поцеловала.

– Я люблю тебя, милый!

Фея Любви, на то она и Фея, чтобы дарить это чувство окружающим, и то, что она когда-то подарила, она уже не может забрать назад. В этом-то всё и дело. Она не может разлюбить его, она не в состоянии возненавидеть его, оттого, что в нём заключается её жизнь. Она вложила душу в его сердце и поселилась там – навсегда...

– Я люблю тебя, Сол. Прости! Только прости...

Эта ночь прошла на краешке облака. Они обнялись и смотрели вдаль, а утром, когда пришло время расстаться, он повторил ту же самую фразу:

– Прости меня, Сол...

И она простила, но когда он прилетел на Розовое облако в следующий раз, бочонок с вином был пуст, а облако стало ещё более розовым, чем обычно, а на землю падал дождь с запахом винограда.

– Эх, Сол, какая же ты шалунья! – вздохнул он, а про себя добавил: – Не жалко... Всё равно вино было кислое!

Вино было кислым... Я это хорошо помню. То вино, что я выпила вчера, в первую ночь в Раю, было кисловатым, но зато оно научило меня летать во сне.

Я отпила несколько глотков из бутылки, которая стояла всё там же на тумбочке, и легла спать... На языке остался вкус спелой земляники, которого я не почувствовала в первую ночь. Мне снилась бесконечная гладь воды и розовые облака.

А когда я проснулась, в открытое окно влетели цветочные лепестки... Красные, розовые и белоснежные, как снег с перламутровым отливом. Они были повсюду. Я вскочила и пробежала к окну, а там – весна!

По изумрудному лугу гулял ветер, разгоняя серебристые волны, то в одну, то в другую сторону, то теребя, то приглаживая траву. А по другую сторону, там, где рос огромный клён, раскинулся вишнёвый сад. И стоило ветру коснуться его тяжёлых от цветков веток, как розовые лепестки разлетались в стороны. Одни нарисовали в небе огромное сердце, а другие метнулись в сторону дома и залетели во все щели, неся с собой невероятно сладкий аромат будущих вишен...

Я на минутку забыла, что это всего лишь иллюзия, но, разжав кулак и увидев, как крошечные лепестки слепились в одну липкую массу, я пришла в себя и спустилась вниз.

Маша стояла на пороге дома, удивлённо глядя на всю эту весеннюю феерию. На её лице застыла едва заметная улыбка. Её плечи расправились, и она свободно вдыхала воздух, как это делают люди, отпустившие печаль из своего сердца...

– Весна! Посмотри, Сол, весна!

– Да, Машенька, весна. Весна твоего сердца!

Она ничего не ответила, просто вышла в сад и села на изумрудную траву. И так сидела и смотрела в небо. Я подошла и села рядом. И тут только я поняла, что небо над моей головой – настоящее, земное.

Когда я стояла на площадке того странного сооружения, я видела все миры изнутри, а это значит, что сверху они не были закрыты. И небо настоящее, самое настоящее синее небо с белыми барашками облаков, с восходом и закатом, но без птиц...

Почему в небе нет птиц? Как могли погибнуть птицы, ведь у них есть крылья? Я больше не могла усидеть на месте и, вернувшись в дом, я отхлебнула из бутылки несколько больших глотков, и выбежав на улицу, потащила Машу в сторону скалы...

Глава 7. Глубина...

Подъём был не из лёгких... Но мы справились. Я тащила Машу за руку, и моей силы хватило на нас двоих.

Когда взобрались на скалу, перед нами возникла новая преграда...

В прошлый раз я чуть не утонула в ледяной воде, а тут ещё Маша. Увидев воду, она запричитала, что не умеет плавать и в воду не полезет...

Но тут я увидела наше спасение – у самой стены лежало небольшое дерево. Я точно помню, что в прошлый раз его не было. Значит, его принесло течением, но откуда?

Оставив эту загадку на потом, я прыгнула в воду и, ухватившись за бревно, поманила к себе Машу. Та поколебалась немного, помялась на месте, но видя, что я чувствую себя неплохо, медленно сползла в воду, где я её и подхватила.

Так мы добрались до противоположной стены и открыли дверь.

Я вылезла на площадку и втянула Машу за руку, словно она ничего не весила. У этого вина совершенно потрясающие свойства, и чем больше я пила, тем слаще оно становилось.

Перед нами открылась бескрайняя равнина вод...

– Господи, что стало с Землёй? – запричитала Маша.

– Это нам и предстоит выяснить! Лучше умереть здесь, на краю своего мира, свободными и счастливыми, чем сидеть как мыши в мышеловке и ждать, что-то завтра придумают наши хозяева – натуралисты. Какие ещё опыты они проведут с нами, прежде чем бросить нас умирать?

Ведь еды до сих пор нет. Но в своём мире я этого не замечала, а на площадке в моём животе поднималась настоящая буря негодования. Но я сделала над собой усилие, выкинув из головы мысли о голоде, и живот тут же успокоился. Пришло время приглядеться...

С первого взгляда ничего не изменилось. Всё та же бесконечная гладь воды, но... Заглянув вниз под площадку, на которой мы стояли, я увидела, что на трубе, державшей всю эту конструкцию, остался тёмный след. Это был уровень воды с того дня, когда я была здесь впервые, и за этот короткий срок вода ушла на полметра.

– Машенька, посмотри, вода уходит!

Я встала на колени и, вглядываясь в толщу воды, всё ниже и ниже наклонялась вниз... Мне показалось, что там, внизу, я вижу какие-то тени, тёмные и светлые пятна, и тут что-то проплыло под самой площадкой, и, вздрогнув от страха, я упала вниз.

Сначала я ушла под воду с головой и слегка нахлебалась, но быстро всплыла, так как расстояние до воды было небольшим. Температура воды была значительно выше, чем в той комнате, через которую нам пришлось проплывать каждый раз, когда мы вырывались на волю из наших миров. Маша стояла наверху с испуганным лицом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.